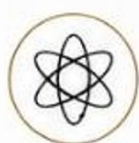
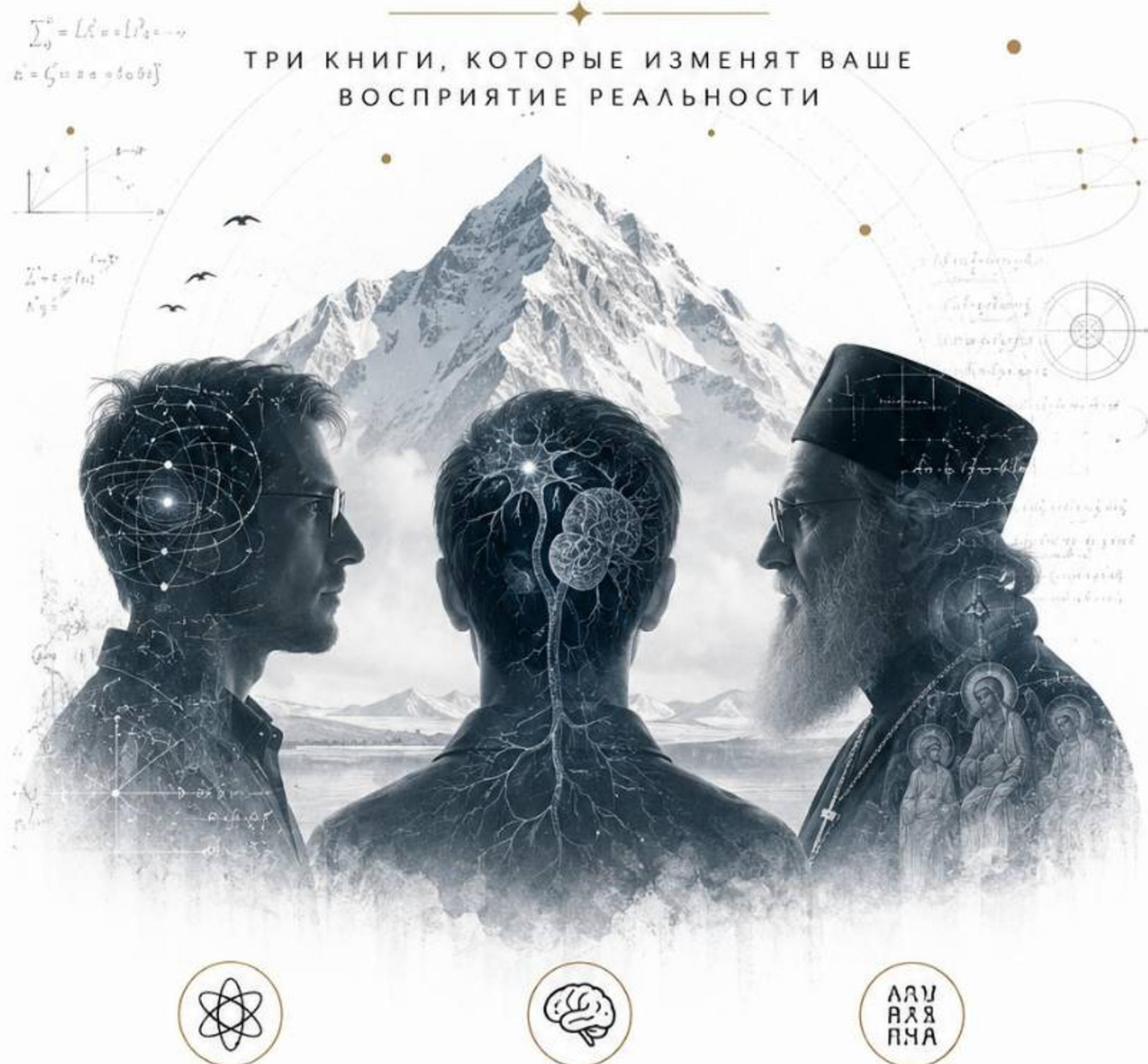

АВТОР
СТРАННИК

СБОРНИК

«ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ»

ТРИ КНИГИ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНЯТ ВАШЕ
ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛЬНОСТИ

КВАНТОВЫЕ АНТЕННЫ
И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ

СОЗНАНИЕ
И ВСЁ ЖИВОЕ

СЛОВО
КОТОРОЕ ТВОРИТ

ПОЗНАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Странник

Сборник «Философские беседы»

«Автор»

2026

Странник

Сборник «Философские беседы» / Странник — «Автор», 2026

Философские беседы — три книги, которые изменят ваше восприятие реальности. Откройте диалог физика, нейробиолога и священника у подножия Белухи. Что такое душа, ангелы и любовь в мире квантовых антенн и параллельных вселенных? Погрузитесь в исследование о сознании. Нью-Йоркская декларация подтвердила: животные чувствуют и помнят. А гравитация, электричество и паразиты безжалостно напоминают — мы не цари природы, а её временные гости. И наконец, отправьтесь в мистический триллер о древнем языке, который убивает. Слово не описывает мир — оно творит его. Это сборник для тех, кто готов смотреть в бездну и видеть там не пустоту, а тысячи вопросов. Читайте, если хотите почувствовать, как горит звёздный пепел внутри вас. Познание начинается здесь.

© Странник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть: Красная нить и звёздный пепел: философские беседы у подножия Белухи	5
Пролог. У костра на снегу	5
Вечер первый. Из чего мы сделаны на самом деле. Космическое происхождение человека и загадка сознания	9
Вечер второй. Ангелы и демоны: древняя лекция в новой тональности. Духовный мир как часть реальности	15
Вечер третий. Кармический костяк и свобода воли. Судьба, выбор, информационное поле	23
Вечер четвертый. Что видит умирающий мозг? Клиническая смерть как мост	31
Вечер пятый. Советский генерал о том, куда идёт душа. Девять дней вне тела, орбита душ и обитель душ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Странник

Сборник «Философские беседы»

Повесть: Красная нить и звёздный пепел: философские беседы у подножия Белухи

Пролог. У костра на снегу

Зимний вечер. Горный Алтай. У подножия Белухи.

Я пишу эти строки при свете догорающих дров. За окном — только снег, тишина и силуэт горы, которую местные называют Уч-Сумер — «Три вершины». Мы же, русские, зовём её Белухой. Говорят, что это пуп Земли. Говорят, что именно здесь проходит граница между мирами — нашим и тем, который мы не видим, но всегда чувствуем.

Не знаю, правда ли это.

Но знаю другое: в этот вечер у камина собрались люди, которые слишком долго бежали от главных вопросов. И теперь, когда за окном метель, а дрова потрескивают так уютно, что невозможно лгать, — вопросы настигли их.

— Откуда я пришёл? — спросил первый.

— Куда я уйду? — подхватил второй.

— Кто я и зачем я здесь? — закончил третий, и стало тихо.

Я сидел в кресле напротив и молчал. Потому что когда такие вопросы звучат вживую, а не в душной университетской аудитории, — любой готовый ответ кажется кощунством. Лучше просто смотреть на пламя и слушать.

Слушать тишину, которая говорит громче слов.

О красной нити, которую нельзя порвать

Первый гость — физик, бывший когда-то ярым атеистом, а теперь впавший в «мистическую ересь», как шутят его коллеги, — достал из внутреннего кармана потрёпанный блокнот.

— Вы знаете древнее китайское верование? — спросил он без предисловий. — Невидимая красная нить связывает тех, кому суждено встретиться. Ни время, ни место, ни обстоятельства не имеют значения. Нить может растягиваться или сбиваться в клубок, но она никогда не порвётся.

— Красивая сказка, — усмехнулся второй, молодой и резкий.

— Возможно. Но тогда объясните мне, — физик не обиделся, — почему при встрече с новым человеком у вас иногда возникает ощущение, что вы уже знали его раньше? Не узнавали, нет. Именно знали. На уровне костей.

Молодой хотел ответить, но замялся.

— Вероятность того, что это ощущение — не галлюцинация, — продолжил физик, — составляет девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Я проверял. Не на бумаге — на людях.

— Судьба? — тихо спросила женщина, до сих пор молчавшая у окна.

— То, что мы называем судьбой, действительно существует. Но не так, как учат в дешёвых гороскопах. Судьба — это каркас. Кости. А между ними мы можем петлять как угодно. Нулевой код — так я это называю. Те события и люди, которые должны произойти наверняка. Всё остальное — наша свобода.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Говорят, у восьмилетней девочки в информационном поле уже можно просмотреть возможных мужей и детей. Обычно два-четыре варианта. Но последний выбор всегда остаётся за ней. Всегда. Запомните это.

Женщина у окна отвела взгляд.

О совпадениях, которые не случайны

Третий собеседник — священник, приехавший в эти горы не то за благодатью, не то за тишиной от московской суеты, — перебирал чётки. Не для того, чтобы молиться, а чтобы успокоить руки.

— Вы замечали, — сказал он негромко, — что иногда совпадения становятся слишком плотными? Сегодня вы впервые слышите незнакомое слово, а завтра оно преследует вас из каждого угла?

— Синхрония, — кивнул физик. — Так Юнг называл.

— Неважно, как называть. Важно понять: когда в вашей жизни происходит множество совпадений, это означает, что вы на правильном пути. Словно кто-то с дружеской улыбкой подчёркивает: «Я здесь. Я вижу. Продолжай».

— Хранители? — спросил молодой.

Священник пожал плечами:

— У каждого народа — своё имя. Ангелы. Наблюдатели. Архивариусы. Якобы Бехтерева, великий нейрофизиолог, в конце жизни говорила, что за каждым из нас следят невидимые существа. Без лиц, без тел, но они знают каждую нашу мысль. И только умирая, мы впервые их видим.

— Это страшно, — сказала женщина.

— Страшно — не знать, — ответил священник. — А знать, что за тобой наблюдают, — это ответственно. Потому что тогда каждое слово, каждый поступок, даже каждая мысль — не проходят бесследно. Они записываются. Где-то там, в глобальном информационном поле. Или в Хрониках Акаши, как говорили древние индийцы.

Физик кивнул:

— Закон сохранения энергии. Ничто не исчезает бесследно. Ни одна улыбка, ни один удар. Всё остаётся в поле памяти Вселенной.

Стало слышно, как трещат дрова.

О горе, которая стоит и смотрит

Я налил всем чаю — крепкого, с горными травами, пахнущего дымом и снегом. Потом подошёл к окну.

Белуха была чёрной на фоне лилового неба. Зимняя ночь в горах не бывает полной — снег и звёзды создают свой собственный, призрачный свет.

— Почему именно здесь? — спросил молодой, подходя ко мне. — Почему не у камина в Москве, не на берегу моря? Зачем лезть в такую даль, чтобы просто разговаривать?

Я не знал, что ответить прямо, поэтому ответил историей.

— Говорят, что на Белуху нельзя подниматься с дурными мыслями. Не потому, что гора накажет, а потому, что здесь всё обнажается. Гора — как зеркало. Смотрит на тебя, и ты видишь не то, что хотел бы видеть, а то, что есть на самом деле.

— И поэтому сюда едут умирать, что ли? — хмыкнул молодой.

— Нет. Сюда едут рождаться заново.

Он замолчал.

Я вернулся в кресло. Огонь почти догорел, но никто не спешил подкладывать новое полено. В темноте голоса звучали иначе — глубже, что ли.

О списке на восемь листов

Физик снова раскрыл свой блокнот.

— У нас есть гипотеза, — сказал он уже не нам, а скорее самому огню, — что, приходя в этот мир, мы приносим с собой группу задач. Список уроков, которые решили осуществить. Примерно на восемь страниц.

— Кто пишет этот список? — спросил молодой.

— Мы сами. Вместе с друзьями и учителями. Ещё на «той стороне».

— До рождения.

— До рождения.

Женщина у окна вдруг заплакала. Тихо, почти беззвучно. Никто не обернулся — у костра есть правило: слёзы не комментируют. Мы просто дали ей время.

Потом она сказала, не вытирая лица:

— Я всегда знала, что моя дочь выбрала меня сама. Не я её — она меня. А врачи говорили: случайность, простая биология, ДНК. Но материнское сердце оно чувствует иначе.

— Ваша дочь не ошиблась, — тихо сказал священник.

И все поняли, что он говорит не о будущем, а о прошлом.

О диалоге с невидимым

Я подбросил полено. Искры взлетели к трубе, и на мгновение показалось, что они пробивают крышу и уходят прямо в звёздное небо.

— Есть у меня один друг, — начал я. — Он называет себя полным атеистом. Но каждое утро он смотрит в небо и говорит: «Если ты там — дай знак». А потом, когда случается очевидное совпадение, он пожимает плечами и бормочет: «Теория вероятности».

— Классический случай, — улыбнулся физик. — Боится признать, что диалог идёт. Что знаки — это не шум, а речь.

— На каком языке, интересно, с нами говорят? — спросил молодой.

— На языке совпадений. Синхроний. На языке, который не переводится дословно, но понимается сердцем.

Священник перестал перебирать чётки.

— В Писании сказано: «Бог невидим». Но не сказано, что Он молчит. Просто не все умеют слышать.

— А ангелы? — спросила женщина. — Они тоже невидимы. Но они ведь здесь. Сейчас. Священник посмотрел на неё долгим взглядом и вдруг улыбнулся:

— А вы попробуйте их позвать. Не вслух. Мысленно. Они и так рядом, но когда вы обращаетесь к ним осознанно, нить становится плотнее.

— Та самая красная нить, — кивнул физик.

— Она самая.

О первых словах, которые не забыть

За окном начало светать — не по-настоящему, а так, предрассветно, когда чёрное становится серым, а серое — чуть розовым у горизонта.

Мы разошлись по комнатам, но никто не спал. Я слышал за стеной шаги, потом тишину, потом снова шаги.

Утром, за завтраком, молодой сказал:

— Я понял, зачем мы здесь. Не чтобы получить ответы. А чтобы научиться задавать правильные вопросы.

— Например? — спросил я.

— Например: «Не делаю ли я сегодня то, о чём пожалею, стоя перед теми самыми хранителями?»

Женщина улыбнулась — впервые за всё время.

— Это хороший вопрос. Намного лучше, чем «кто виноват» или «что мне за это будет».

Священник одобрительно кивнул:

— Ответы приходят к тем, кто перестаёт бояться вопросов.

Физик промолчал. Но я заметил, как он снова достал свой блокнот и на чистой странице написал всего два слова:

«Красная нить».

Вместо послесловия к прологу

Итак, дорогой читатель, эти десять вечеров у камина под Белухой были прожиты нами на самом деле. Или не на самом деле. Разница между вымыслом и правдой здесь так тонка, что я и сам не возьмусь её определять.

Но одно я знаю точно: каждая из следующих бесед изменила нас. Возможно, изменит и вас.

Потому что красная нить тянется не только между живыми.

Она тянется и между текстом — и тем, кто его читает.

Сядьте удобнее. Дрова уже трещат. За окном — вечность, которая называется ночью. А впереди — десять вечеров, десять попыток ответить на вопросы, от которых невозможно убежать.

С первым вопросом мы покончили: «Откуда я пришёл?»

Второй ждёт: «Куда я уйду?»

Вечер первый. Из чего мы сделаны на самом деле. Космическое происхождение человека и загадка сознания

Белуха, первый вечер. Дрова только что заложены, огонь только разгорается. Мы сидим в креслах, расставленных полукругом — так, чтобы каждый видел и пламя, и лица остальных.

Остывший чай и первый вопрос

Мы начали не с науки и не с молитвы. Мы начали с молчания. Так часто бывает в горах: когда выходишь из шумного города, первые полдня просто не можешь говорить — голосовые связки будто отвыкли от настоящей тишины.

Чай остыл. Я хотел подлить горячего, но отец Николай остановил меня жестом:

— Пусть. Вкус горечи иногда полезнее, чем обжигающая сладость.

Денис — наш молодой скептик, который приехал сюда с единственной целью «разоблачить всю эту эзотерическую чушь» — нервно постукивал пальцем по подлокотнику.

— Так что? — не выдержал он. — Мы собрались говорить о смысле жизни или просто так сидеть будем?

— А ты торопишься? — спокойно спросил Алексей, физик, когда-то работавший в ЦЕРНе, а теперь писавший странную книгу, которую никто не мог понять: то ли учебник по квантовой гравитации, то ли философский трактат.

— В Москве — да. А здесь — Денис оглянулся на окно, за которым чернела гора, — здесь время будто остановилось.

— Не остановилось, — поправила Марина, нейробиолог из Петербурга, женщина лет пятидесяти с руками, привыкшими к скальпелю, но удивительно нежными движениями. — Здесь время просто неприлично медленное. Как в замедленной съёмке. И в этой медлительности можно разглядеть то, чего в городе не замечаешь.

— Например? — спросил я.

— Например, что мы дышим. На самом деле дышим. Со вкусом. Со смыслом.

Она замолчала, прислушиваясь к собственному дыханию. И мы — за ней.

Потом отец Николай сказал тихо:

— Первый вопрос у нас был: «Откуда я пришёл?» В прологе мы только обозначили его. Может, сегодня на него и ответим? Не торопясь.

— Ответим? — усмехнулся Денис. — Да на этот вопрос три тысячи лет отвечают. Буддисты — перерождением, христиане — творением, атеисты — случайностью. Чей ответ возьмём?

— Ничей, — сказал Алексей. — Мы не возьмём ответ. Мы его выведем. Как уравнение. Только не на бумаге — на огне.

Он кивнул на камин, и все невольно посмотрели на пламя.

Так начался первый вечер.

Звёздная пыль: то, что мы знаем точно

— Давайте начнём с того, что не вызывает споров, — предложила Марина. — С фактов.

— О, это я люблю, — оживился Денис.

— Факт номер один, — Марина загнула палец, тонкий и длинный. — Наше тело почти полностью состоит из элементов, которые не существовали в момент Большого взрыва.

— Расшифруйте, — попросил я.

Она улыбнулась — видимо, попала в любимую тему.

— В начале, по современным представлениям, во Вселенной были только водород, гелий и крошечные следы лития. Всё. Ни углерода, который составляет почти пятую часть нашего

тела. Ни кислорода, которого в нас почти две трети. Ни азота, ни кальция, ни фосфора. Ничего из того, из чего построены белки, жиры, углеводы, ДНК.

— Откуда же они взялись? — спросил Денис, забыв на мгновение, что он здесь «разоблачитель».

— Звёзды их сварили, — просто сказал Алексей. — Термоядерный синтез в недрах звёзд. Водород превращается в гелий. Гелий — в углерод. Углерод — в кислород и так далее, по таблице Менделеева. Но есть предел.

— Какой? — спросил отец Николай, отставляя остывший чай.

— Железо. Звёзды, подобные нашему Солнцу, могут синтезировать элементы только до железа. Всё, что тяжелее — золото, серебро, йод, уран, — рождается в катастрофах. Во взрывах сверхновых. В столкновениях нейтронных звёзд.

Он помолчал.

— Карл Саган, которого вы все знаете по «Космосу», сказал однажды фразу, которая стала почти банальной. Но банальной она стала только потому, что слишком правильная. «Мы сделаны из звёздной материи». Он не имел в виду поэзию. Он имел в виду физику.

— То есть, — медленно проговорил Денис, — атом кислорода в моей крови

— Был рожден в недрах звезды, которая взорвалась миллиарды лет назад, — закончил Алексей. — Углерод в вашей ДНК — там же. Кальций в ваших костях — там же. Атомы железа, которые переносят кислород, — там же.

Стало тихо. Слышно было, как за окном падает снег с ветки.

— Мы ходим по земле, — тихо сказала Марина, — а внутри нас — вещество, которое путешествовало по космосу дольше, чем существует жизнь на нашей планете.

Отец Николай перекрестился.

— Господи, какое же это чудо.

— А водород, — добавил Алексей, — единственный элемент, который сохранился с первых мгновений после Большого взрыва. Его не нужно было варить. Он всегда был. Водород в воде, которую мы пьём, — первозданный. Самый старый атом во Вселенной.

— И он же самый лёгкий, — заметила Марина.

— И самый распространённый. И самый одинокий — один протон, который ищет пару.

Мы снова замолчали. Теперь уже не от неловкости — от благоговения. Когда узнаёшь, что твоё тело сложено из космических останков, трудно продолжать спор о том, существует ли душа.

Вопрос сам собой перестаёт быть спорным.

Трудная проблема: от нейронов к переживанию

— Однако, — Марина откашлялась, возвращая нас в профессиональное русло, — знание химического состава не объясняет, зачем этому набору атомов — чувствовать.

— Как это? — не понял Денис.

— Вот представьте, — она повернулась к нему всем корпусом. — Я могу рассказать вам всё о том, что происходит в вашем мозге, когда вы видите красное яблоко. Сетчатка передаёт сигнал в зрительную кору. Нейроны активируются в определённой последовательности. Высвобождаются нейромедиаторы. Формируется паттерн возбуждения. Я могу описать это с точностью до миллисекунды и до пикомоля химических веществ. Но

Она сделала паузу.

— Но я не могу объяснить, почему этот процесс сопровождается ощущением красного. Самим вкусом красного, если хотите. Тем, что философы называют квалиа. Почему нейронный шум — который, в сущности, является просто электричеством и химией — вдруг превращается в переживание?

— Это и есть та самая трудная проблема сознания? — спросил я.

— Именно. Термин придумал философ Дэвид Чалмерс в девяностых годах прошлого века. Он сказал простую вещь: есть лёгкие проблемы сознания — как работает внимание, как формируется память, как мозг обрабатывает сенсорные сигналы. Они рано или поздно будут решены нейронаукой. А есть трудная проблема — почему вся эта работа сопровождается субъективным опытом? Почему мы не просто автоматы, которые реагируют на стимулы, а существа, которые чувствуют, страдают, радуются?

— И что Чалмерс предложил? — спросил Денис уже без тени насмешки.

— Он предложил признать, что сознание — это фундаментальное свойство Вселенной, такое же, как масса, заряд или пространство-время.

— Панпсихизм, — кивнул Алексей. — Старая идея в новых одеждах.

— Но Чалмерс — материалист, — возразила Марина. — Он не говорит о душе в религиозном смысле. Он говорит, что сознание повсюду, просто в разной степени. У человека — сложное, у мыши — простое, у камня — почти нулевое, но не нулевое.

— Камень чувствует? — Денис округлил глаза.

— Нет. Камень не чувствует. Но у него есть минимальное «нечто», которое при определённых условиях может стать чувствованием. Это не мистика, это логика: если сознание возникает из материи, то оно должно быть заложено в материи изначально. Иначе вы получаете чудо — из ничего появляется нечто.

Отец Николай задумчиво помешал угли кочергой.

— В христианстве, — сказал он негромко, — душа не возникает из материи. Она вдыхается Богом. Это не противоречит тому, что вы говорите, но и не подтверждает. Просто наш язык — другой.

— Вот! — Денис ткнул пальцем в сторону священника. — Вот где проблема. Учёные говорят на одном языке, священники — на другом, и они никогда не договорятся.

— А мы здесь зачем? — спросил я. — Чтобы не договориться или чтобы найти третий язык?

Никто не ответил.

Ересь Ровелли: трудной проблемы не существует

Алексей потянулся, хрустнув позвоночником — долгое сидение в кресле давало о себе знать.

— А что, если я скажу вам, — произнёс он вкрадчиво, — что никакой трудной проблемы не существует? Что Чалмерс её выдумал, а мы, как умные люди, поверили?

— Это ересь, — улыбнулась Марина. — В научном смысле.

— Возможно. Но у этой ереси есть имя — Карло Ровелли.

— Итальянский физик, квантовая гравитация, петлевая, — кивнул я. — Я читал его эссе.

— Расскажите остальным, — попросила Марина.

Алексей подвинулся ближе к огню.

— Ровелли говорит: «Сегодняшние дебаты о сознании отражают наши человеческие страхи принадлежать к той же семье, что и неодушевлённая материя, и потерять наши дорогие, трансцендентные души». Он считает, что мы сами создали эту проблему, когда отделили субъекта от объекта, наблюдателя от наблюдаемого, разум от материи. Но в квантовой физике этого разделения нет. Наблюдатель — часть системы. Вы не стоите над миром, вы внутри него.

— И что это меняет? — спросил Денис.

— Всё. Если мы часть мира, то наше сознание — не нечто, добавленное к физическим процессам сверху. Оно — имя, которое мы даём этим процессам, когда они происходят внутри нас. Вы не «имеете» сознание, как шляпу. Вы — сознание. Оно не отдельно от вашего мозга. Оно и есть ваш мозг, работающий определённым образом, с определённой точки зрения.

— Но тогда, — возразила Марина, — вы возвращаетесь к грубому материализму. Сознание — просто эпифеномен, побочный продукт, который ничего не делает.

— Нет, — покачал головой Алексей. — Ровелли не сводит сознание к нейронам. Он говорит, что опыт — это и есть та реальность, которую описывает физика. Когда нейробиолог описывает работу мозга с позиции третьего лица — это одно описание. Когда вы переживаете боль с позиции первого лица — это другое описание. Они не противоречат друг другу. Они просто разные перспективы на одно и то же.

— Как фотография горы с севера и с юга? — спросил я.

— Точно. Гора одна, но виды разные. И нет «трудной проблемы» согласования северного вида с южным. Нужно просто понять, что это одна гора.

Отец Николай медленно кивнул.

— В апостольских посланиях есть слова: «Тела ваши — храм Духа Святого, живущего в вас». Это не метафора. Это констатация. Дух не вне тела, не над телом. Дух внутри. Как ваша гора — одна, но разная с разных сторон.

— Вы переводите Ровелли на богословский язык, — улыбнулась Марина.

— А вы переводите богословие на нейробиологический. Может, так и надо. Может, все эти языки описывают одно целое, просто разными словами.

Денис вздохнул.

— Так что, трудной проблемы нет?

— Есть, — неожиданно сказал Алексей. — Только не там, где её ищет Чалмерс. Ровелли сам признаёт: истинная трудная задача — эмпирическая. Понять больше о функционировании мозга и тела, о связи паттернов возбуждения с субъективным опытом. Это не метафизический разрыв, это инженерная задача. Огромная, сложная, но разрешимая.

— То есть мы не знаем, как сознание работает изнутри, но рано или поздно узнаем? — уточнил Денис.

— Да. И когда узнаем, окажется, что душа — не «нечто иное», а «то же самое, увиденное изнутри».

Марина задумчиво крутила чашку.

— Вы знаете, — сказала она, — в нашем институте есть старая профессорша, которая изучает феномен клинической смерти. Она не верит в Бога, но верит в то, что сознание сохраняется после остановки сердца. У неё есть пациенты, которые описывали события в операционной с точностью, невозможной для галлюцинации. Она называет это не доказательством загробной жизни, а доказательством того, что мы не понимаем природу сознания.

— Сознание может быть полем, — добавил Алексей. — Не в мистическом смысле, а в физическом. Как электромагнитное поле. Оно не «внутри» мозга. Оно вокруг и пронизывает. А мозг — как антенна, которая настраивается на это поле.

— ДНК — антенна, — вспомнил я. — В одном из файлов, которые мы читали перед отъездом, было исследование о фрактальных свойствах ДНК. Она способна принимать сигналы в широчайшем диапазоне частот.

— От сверхнизких до радиоволн, — кивнул Алексей. — Исследователи Бланк и Гудман. ДНК — фрактальная антенна. Самоподобная структура, которая усиливает сигналы.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил отец Николай, — что ангелы могут общаться с нами через нашу ДНК? Через эту антенну?

— Я хочу сказать, — осторожно ответил Алексей, — что духовный мир не обязательно находится «где-то там». Он может быть везде. Просто у нас нет датчиков, чтобы его замерить. Кроме одного датчика — собственного сознания.

Мы молчали долго. Огонь почти угас.

Душа как естественная часть непрерывной реальности

Марина встала, подошла к поленнице, выбрала два сухих полена и бросила их в камин. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Знаете, что меня больше всего зацепило у Ровелли? — спросила она, вернувшись в кресло.

— Что именно? — спросил я.

— Он сказал: «У нас есть души. У нас есть внутреннее я. Мы можем рассматривать себя как трансцендентальные субъекты в кантовском смысле. У нас есть эмоции и духовная жизнь, мы испытываем квалиа. Но эти сущности получаются не добавлением к физическому состоянию, а вычитанием из полного физического описания».

— Вычитанием? — не понял Денис.

— Представьте, что я описываю ваше тело и мозг с максимальной полнотой — каждый атом, каждую химическую реакцию, каждый нейронный импульс. В этом описании не будет вашего «я» — не потому, что его нет, а потому, что описание с точки зрения третьего лица по определению не включает точку зрения первого лица. Чтобы увидеть «я», нужно вычесть всё, что относится к внешнему наблюдателю, и останется — вы.

— Как негатив фотографии, — сказал отец Николай.

— Точно. Душа — это не плюс, это минус. Не нечто, добавленное к телу, а нечто, оставшееся, когда мы убрали всё, что можно измерить со стороны.

— Красивая метафора, — усмехнулся Денис. — Но превращается ли она в науку?

— А она и не должна превращаться в науку, — неожиданно жёстко ответила Марина. — Наука изучает то, что можно измерить. Душа — не измеряется. Но это не значит, что её нет. Это значит, что у науки есть границы.

— О, — Денис поднял палец, — это уже классический аргумент «бог пробелов». Вы загоняете душу в те щели, куда наука пока не дотянулась.

— Нет, — покачала головой Марина. — Я не говорю «наука не может объяснить, значит, Бог». Я говорю «наука по определению не занимается субъективным опытом как таковым». Она может изучить нейронные корреляты этого опыта, но не сам опыт. Опыт — это область феноменологии, а не нейрофизиологии.

— И поэтому мы здесь, — подвёл итог Алексей. — Потому что наука даёт нам факты, но не даёт смысла. А мы ищем смысл.

— Или создаём его, — поправил Денис.

— Или создаём, — согласился Алексей. — Но из чего создаём? Из того же звёздного пепла. Мы — частицы вещества, которые на короткое время сложились в форму, способную задавать вопросы о самой себе. Это чудо само по себе. И не нуждается в дополнительных чудесах.

— Но и не исключает их, — тихо добавил отец Николай.

Огонь трещал.

Золотая клетка и свобода, которую мы боимся

Поздно ночью, когда Денис уснул прямо в кресле, укрытый пледом, а Марина ушла в свою комнату, мы с Алексеем и отцом Николаем остались у почти погасшего камина.

— Я хочу вам кое-что сказать, — обратился священник к физику. — Не как проповедь, а как размышление.

— Говорите, — кивнул Алексей.

— Вы сегодня говорили о сознании как о свойстве Вселенной. О том, что мы — часть непрерывной реальности. В моём понимании, это очень близко к тому, что мы называем образом Божиим в человеке. Не как копия, а как отражение. Не как обладание, а как участие.

— Я не верю в Бога, — спокойно сказал Алексей. — Но я верю в то, что вы называете Его именем. Не в личность, а в принцип. В фундаментальную упорядоченность бытия, которая производит и звёзды, и сознание, и любовь.

— А любовь? — спросил я. — Вы забыли про любовь.

— Не забыл. Любовь — это самый загадочный коррелят сознания. Мы можем объяснить химию влюблённости — окситоцин, дофамин, серотонин. Но объяснить, почему этот химический коктейль заставляет человека жертвовать жизнью ради другого, — не можем.

— Потому что любовь — это не химия, — сказал отец Николай. — Химия — это её язык. Но не её суть.

Алексей улыбнулся.

— Вы знаете, в квантовой механике есть понятие запутанности. Две частицы могут быть связаны так, что изменение состояния одной мгновенно отражается на другой, независимо от расстояния. Эйнштейн называл это «жутким дальним действием». Но это факт природы.

— Любовь — это запутанность? — спросил я.

— Может быть. Очень точная метафора. Мы запутаны друг с другом. И с миром. И с тем, что было до нас. Красная нить, о которой говорил Алексей в прологе, — это нить запутанности.

— Которую нельзя порвать, — добавил отец Николай.

Мы сидели в темноте. Огонь догорел. Было слышно, как дышит во сне Денис — ровно, по-детски беззаботно.

Алексей встал, потянулся.

— Первый вечер, кажется, удался.

— Мы ответили на вопрос «Откуда я пришёл»? — спросил я.

— Мы начали отвечать, — поправил отец Николай. — Мы пришли из звёзд. Из углерода и кислорода, сваренных в древних сверхновых. Из водорода, сохранившегося со времён Большого взрыва. Из запутанности, которая связывает всё со всем.

— И из любви, — добавил я.

— И из любви, — согласился священник.

— И из свободы, которую мы боимся использовать, — закончил Алексей.

Он подошёл к окну. Белуха стояла в звёздном свете — белая, древняя, равнодушная к нашим спорам и открытиям.

— Завтра, — сказал он не оборачиваясь, — мы спросим: «Куда я уйду?»

А пока — только первый вечер. И бесконечное небо над нами.

Вечер второй. Ангелы и демоны: древняя лекция в новой тональности. Духовный мир как часть реальности

Белуха, второй вечер. За окном — мороз под тридцать, звёзды такие яркие, что кажется, до них можно дотянуться рукой. Дрова в камине прогорели до стадии ровного, глубокого жара — когда пламени почти нет, но тепло идёт такое, что кожу покалывает.

Прерванный вчера разговор

Мы проснулись поздно. Горное солнце — если его можно так назвать в декабре — только к обеду перевалило через соседний хребет и заглянуло в наши окна. Денис, который вчера уснул в кресле, утром жаловался на шею, но выглядел почему-то довольным.

— Кофе? — спросил я, когда он вышел к столу.

— Несите. И рассказывайте, что мы сегодня обсуждаем. Вчера мы вроде бы решили, что состоим из звёздного пепла. Сегодня — ангелы?

— Сегодня — ангелы и демоны, — кивнул я.

— Серьёзно? — он скривился, но не так, как вчера. Вчера это была усмешка отрицания, сегодня — скорее гримаса человека, который не хочет признавать, что ему стало интересно.

— Серьёзно, — сказал отец Николай, входя в кухню. Он уже был в рясе — мы не призывали, но он объяснил, что иначе «как-то не по-людски». — Тема, между прочим, проходит лейтмотивом через всё Священное Писание. И напрямую касается каждого из нас.

— Я не христианин, — напомнил Денис.

— А я не только христианин, — ответил священник. — Я ещё и человек. А ангелы, если верить Библии и Преданию, имеют дело со всеми людьми. Независимо от веры.

Марина вошла бесшумно, как она умела, — по-кошачьи.

— Я сегодня буду слушать больше, чем говорить, — объявила она. — Вчера я высказалась. Сегодня — очередь отца Николая.

— И Алексея, — поправил я. — Физик тоже должен сказать своё слово о духовном мире.

— Обязательно, — донеслось из комнаты. Алексей уже был на ногах, но все эти полчаса что-то писал в своём блокноте. — Я даже тезисы набросал. Но пусть сначала говорит батюшка. Это его территория.

Отец Николай улыбнулся.

— Не моя. Божия. Но я — передающий.

Мы расселись у камина — на этот раз теснее, плотнее, потому что вечер обещал быть долгим, а холод за окном — беспощадным.

Мир, который сотворён раньше

Отец Николай начал не с Библии. Он начал с чая.

— Вы заметили, — спросил он, отхлёбывая из кружки, — что, когда пьёшь горячий чай на морозе, вкус чувствуется иначе? Не вкус даже, а само тепло. Оно становится осязаемым. Почти живым.

— Это физиология, — пожал плечами Денис. — Сосуды расширяются, рецепторы активируются

— Неважно, почему, — мягко перебил священник. — Важно, что вы понимаете, о чём я. Есть вещи, которые мы чувствуем, но не можем объяснить словами до конца. Тепло чая на морозе. Тишину в горах. Присутствие кого-то невидимого в комнате.

— К чему вы клоните?

— К тому, что мир не ограничивается тем, что мы можем потрогать, измерить и взвесить. И это не религиозное утверждение, не метафизическое. Это — эмпирический факт.

Он поставил кружку и сложил руки на коленях.

— Был сотворён ангельский мир. Сотворён раньше нашего мира — материального. Святые отцы, толкуя слова «в начале сотворил Бог небо», разумели именно это: сначала — мир духовный, потом — мир вещественный.

— А доказательства? — спросил Денис, но без вызова. Скорее по привычке.

— В Книге Иова, 38 глава, — спокойно ответил священник, — сказано: «Егда сотворены быша звёзды, восхвалиша Мя гласом велиим вси ангели Мои». То есть ангелы уже были, когда звёзд ещё не существовало.

— Звёзды — это наш мир, — пояснил Алексей. — Материя в её космическом масштабе. Если ангелы были до звёзд, значит, духовный мир действительно первичен.

— С точки зрения христианского учения — да. С точки зрения вашей физики — вопрос открытый. Я не настаиваю, что это научный факт. Я говорю, что это — вера. Но вера, которая имеет внутреннюю логику.

Денис хотел что-то сказать, но передумал.

— Расскажите, что такое ангелы, — попросила Марина. — Не в воскресной школе, а как вы это понимаете. После всех ваших лет в Церкви.

Отец Николай помолчал, собираясь с мыслями.

Функция, а не природа

— Чаще всего путаница происходит, — начал он, — когда мы спрашиваем «что такое ангел?» и ждём ответа какого-то ну, биологического, что ли. Есть у него крылья? Есть ли тело? Где он живёт?

Он усмехнулся.

— А ответ гораздо проще и сложнее одновременно. Блаженный Августин, отец неразделённой ещё Церкви, сказал так: «"Ангел" означает функцию, а не природу. Ты спрашиваешь, как называется эта природа? — Дух. Ты спрашиваешь о функции? — Ангел. По тому, что он есть, он дух, по тому, что делает, — ангел».

— То есть это не вид существа, а должность? — уточнил Денис.

— Очень грубо — да. Ангел — тот, кто несёт весть. «Благовестник» — по-гречески, «ангелос». Их природа — дух. Бестелесный. Не стеснённый телом, как мы. Может находиться в разных местах одновременно. Не нуждается в пище, питье, сне. Но это не делает их богами. Это просто другая форма бытия.

— Свободная воля у них есть? — спросил Алексей.

— Есть. И это важно. Иначе не было бы падения.

— А падение — это история про Люцифера? — спросила Марина.

Отец Николай кивнул.

— Был один ангел, первый, главный, вершина ангельской иерархии. Имя его — Денница. Переводится как «утренняя звезда». Красивое имя, правда? Образ ранней зари, когда солнце ещё не взошло, но тьма уже отступает.

— И что случилось? — спросил я.

— Возгордился. Пользуясь свободной волей, решил: я тоже дух, значит, я — бог. Не понял главного: что быть духом и быть Богом — не одно и то же. Бог — Источник. Ангел — творение. Даже самый совершенный.

— И он увлёк за собой других? — спросил Денис.

— Третью ангелов, как говорит Предание. Не силой увлёк — ложью. Стал клеветать на Бога, говорить про Него неправду. И те, кто поверил этой клевете, отпали вместе с ним.

— А те, кто не поверил?

— Остались с Богом. Их предводителем стал архангел Михаил — имя переводится как «кто как Бог». Вопрос, обращённый к падшему: ты думаешь, что ты как Бог? А кто как Бог? Только Сам Бог.

— И что стало с падшими? — спросила Марина тихо.

— Они стали демонами. Бесами. Имя их прежнего вождя — сатана, что значит «противник», или дьявол, «клеветник». Им некуда было деться — они не захотели каяться. И Господь, по любви, сотворил для них место, где нет благодати. Геенну. Ад.

— Бог сотворил ад? — Денис нахмурился. — Звучит жестоко.

— Святой Симеон Новый Богослов сказал удивительные слова: «Бог потому и благ, что геенну сотворил». Почему? Потому что падшие ангелы сами не могут создать себе места. Они могут только клеветать, лгать, искушать. Если бы Бог не дал им места, они были бы в нигде. А так — они хотя бы где-то есть.

— И они там мучаются?

— Они там пребывают. Мучение — это отсутствие любви. Не Бог их наказывает. Они сами выбрали бытие без Бога. И получили его.

Стало тихо.

Вмешательство, которое мы не замечаем

— Но мы же говорим не только о падших, — нарушил я молчание. — Мы говорим об ангелах вообще. И о помощи.

— Да, — оживился священник. — Потому что благая весть о том, что ангелы помогают, гораздо важнее страшилок об аде.

Он перекрестился коротко, по привычке.

— В Священном Писании десятки, сотни примеров. Ангел у врат Эдема защищает вход в рай. Ангел выводит Лота из Содома. Ангел останавливает руку Авраама, когда тот готов принести в жертву Исаака. Ангел ведёт Израиль из Египта — днём в облачном столпе, ночью в огненном.

— А в Новом Завете? — спросила Марина.

— Ещё больше. Ангел Гавриил является Захарии и возвещает рождение Иоанна Крестителя. Тот же Гавриил приходит к Деве Марии с благой вестью. Ангел выводит Петра из темницы. Ангелы служат Христу в пустыне. Ангел укрепляет Его в Гефсиманском саду. И наконец, ангел сидит на отваленном камле у Гроба Господня и говорит жёнам-мироносицам: «Что ищете живого среди мёртвых? Его нет здесь — Он воскрес».

— И это всё — не метафоры? — спросил Денис.

Отец Николай посмотрел на него долгим взглядом.

— Если для вас реальность ограничивается тем, что можно пощупать, — для вас это метафоры. Если вы допускаете, что мир шире, — это факты.

— А как же свобода воли? Ангелы помогают — значит, они вмешиваются. А мы тогда — марионетки?

— Нет. Ангел может подсказать, укрепить, защитить, но не может заставить. Помните, в прологе мы говорили о нулевом коде — том, что должно случиться наверняка? Ангелы — хранители этого кода. Но петлять между костями судьбы мы можем как угодно.

— У каждого человека есть ангел-хранитель? — спросил я.

— Церковь учит, что он даётся в крещении. Но я — он запнулся, — позволю себе частное мнение. Я думаю, ангел даётся каждому человеку от рождения. Просто при крещении мы этот дар осознаём и укрепляем. А если человек не крещён, ангел всё равно рядом, но человек его не слышит.

— Как радио, которое не настроено на волну, — вставил Алексей.

— Точно. Радио есть, вещание идёт, а приёмника нет.

Бунт, который никто не заметил

Алексей отложил блокнот и подался вперёд.

— У меня есть вопрос к вам, отец Николай, как у физика. Вы говорите, что ангелы — это духи, бестелесные, свободные, сильные. Но в вашей же истории падший ангел не смог сделать

ничего, кроме лжи. Не смог создать свой мир, не смог даже место себе найти без Бога. Значит, у духа есть границы?

— Огромные границы, — кивнул священник. — Ангел не всесилен. Он не может творить ex nihilo — из ничего. Только Бог может. Ангел может только действовать в пределах уже сотворённого. Искушение — это действие. Ложь — это действие. Но создать новую реальность — нет.

— Это важное замечание, — сказал Алексей. — Потому что в квантовой физике наблюдатель тоже не творит реальность, вопреки популярным мифам. Ведрал, о котором мы говорили вчера, чётко сказал: «Человек не творит реальность простым наблюдением. Реальность меняется естественным путём через обычные взаимодействия».

— Вы хотите сказать, что ангелы тоже действуют в рамках естественных законов? — удивилась Марина.

— Не совсем. Но я хочу сказать, что границы есть у всего. Даже у духовного мира.

Отец Николай задумался.

— Вы знаете, есть ещё один важный момент. Ангелы не знают всего. Например, они не знали тайны Боговоплощения до того, как она совершилась. Апостол Пётр прямо говорит: «во что желают проникнуть ангелы». Есть вещи, которые открыты человеку больше, чем бесплотным духам.

— То есть человек в чём-то выше ангелов? — спросил Денис.

— В том, что он может каяться. Падший ангел не может. Он укоренился во зле. А человек может упасть на самое дно, а потом подняться. И это — наша уникальность.

— Золото в огне жгут, чтобы оно стало чистым, — тихо сказал я, вспоминая слова Мамонова из вчерашнего чтения.

— Да. Именно так.

Демоны: клеветники, которые не могут создать ничего своего

— А теперь давайте скажем несколько слов о тех, кто пал, — предложил Алексей. — Без демонизации, без страшилок. Просто — что они есть.

Отец Николай кивнул.

— Демоны — это не злые боги, не враги Бога, равные Ему по силе. Это творения, которые использовали свою свободу во зло. Их главное оружие — ложь. Иисус Христос говорит о дьяволе: «Он был человекоубийца искони, и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи».

— Значит, они не могут сказать правду? — спросила Марина.

— Не могут. Потому что правда — от Бога. А они от Бога отпали. Всё, что они говорят, — смесь правды и лжи. Самая опасная смесь.

— Как в раю, — вспомнил я. — Змей сказал Еве: «Бог знает, что в день, когда вы вкусите, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Часть правды — глаза действительно открылись. А часть лжи — вы не стали богами. Вы стали смертными.

— Искушать — их главное занятие, — продолжил священник. — Но важно понимать: они не могут заставить человека сделать что-то против его воли. Они могут только внушить мысль. А уж принять её или отвергнуть — выбор человека.

— Как в том анекдоте про дьявола, который говорит: «Я только подкидываю идеи, а ты уже сам всё делаешь»? — усмехнулся Денис.

— Грубо, но точно. Я всегда говорю студентам: никто вам в рот запретный плод не засовывал. Ни Еве, ни Адаму. Всё сделали сами. Демон только прошептал: «А может, попробовать?»

— А демоны могут вселяться в людей? — спросила Марина.

— Могут. Это называется одержимость. Но это не фокусы из фильмов ужасов. Это состояние, когда человек так долго соглашался с ложью, так долго выбирал тьму, что его воля ослабела, и дух злобы смог занять место.

— И как с этим борются?

— Молитвой, постом, таинствами. И — свободным выбором человека. Ни один демон не может войти в человека без его молчаливого согласия.

— То есть мы сами открываем дверь, — резюмировал Алексей.

— Сами. И сами можем закрыть. Но это трудно. Гораздо труднее, чем открыть.

Где живут ангелы и где — демоны

За окном ветер усилился. Белуха скрылась за снежной пеленой — такое здесь бывает внезапно: ясное звёздное небо, и через десять минут — белая стена.

— Ангелы, — продолжил отец Николай, — не живут в каком-то особом месте, которое можно нанести на карту. Они — там, где Бог. А Бог, как учит Церковь, вездесущ. Поэтому ангелы — везде. Просто мы их не видим.

— Демоны тоже везде? — спросил Денис.

— Демоны — там, где отсутствие Бога. Но поскольку Бога нет только в аду, то в нашем мире они — как паразиты. Не имеют своего места, поэтому ищут пристанища в душах людей, в разрушенных местах, в хаосе.

— Энергия хаоса, — тихо сказал Алексей. — В физике есть концепция энтропии. Демоны — агенты энтропии? Те, кто увеличивает беспорядок?

— Очень точная метафора. Они не творят порядок. Они творят разложение. Распад. Смерть.

— Но Бог не сотворил смерти, — возразила Марина.

— Не сотворил. Смерть — следствие греха. Как сказано в Писании: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих».

— Тогда зачем Он её допускает?

Отец Николай вздохнул.

— Я не знаю полного ответа на этот вопрос. Никто не знает. Но я могу предположить, что смерть — это граница. И граница эта — милосердная. Потому что если бы человек жил вечно в своём грехе, он бы заостенел во зло навсегда. А смерть прерывает этот путь. Даёт шанс на покаяние.

— На границе? — спросил я.

— На границе жизни и смерти. В момент перехода человек может увидеть то, чего не видел раньше. Может встретить тех, кто был невидим. И может сделать последний выбор.

— Бехтерева, — вспомнила Марина. — Она говорила, что смерть — это встреча не с родными, а с хранителями.

— Да. И это не противоречит христианству. Хранители — ангелы. Они встречают душу и сопровождают её.

— А родные?

— Родные — могут быть тоже. Но не всегда. Не всем дано. Иногда родные сами ещё не там. Иногда душе нужно сначала встретиться с Тем, Кто её создал.

— С Богом?

— С Богом.

Иерархия и имена: те, кого мы знаем

Чтобы разрядить тяжесть разговора, я спросил:

— А можно узнать имена ангелов? Как их зовут?

Отец Николай улыбнулся.

— Некоторые имена нам открыты. Архангелов — семь. Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Иегудиил, Варахиил. Иногда добавляют Иеремиила.

— И что означают эти имена? — спросил Денис. — Не просто звуки?

— Имена — это их служение. Михаил — «кто как Бог», архистратиг, предводитель воинства. Гавриил — «сила Божия», благовестник. Рафаил — «милосердие Божие», целитель. Уриил — «свет огня Божия», просветитель. Селафиил — «молитва Божия». Иегудиил — «хвала Божия». Варахиил — «благословение Божие».

— А ангел-хранитель каждого человека — у него есть имя?

— Есть. Но оно нам не открыто. Почему? Потому что если бы мы знали имя своего хранителя, мы бы узнали свой путь. А путь — это свобода. Господь не хочет, чтобы мы шли по рельсам, зная каждый поворот. Он хочет, чтобы мы искали. И находили. Сами.

— Но с помощью ангела, — добавил Алексей.

— С помощью, да. Но не под диктовку.

Марина заварила свежий чай. Разлила по кружкам. Мы пили молча, каждый думая о своём.

Когда ангел отступает

— У нас вчера остался вопрос, — сказал я. — Когда ангел отступает от человека?

Отец Николай отставил кружку.

— Когда человек оскорбляет Духа Божия, живущего в нём. Своими беззакониями, своей злой волей, своим сознательным выбором тьмы. Ангел не может находиться там, где человек выбрал ад.

— Но он может вернуться?

— Если человек кается — да. Как блудный сын. Помните притчу? Ушёл, расточил имение, дошёл до дна, а потом сказал себе: «Встану, пойду к отцу моему». Отец не бежал за ним всё это время, не звал, не умолял. Он ждал. И когда сын вернулся — выбежал навстречу.

— И ангел?

— И ангел. Ангел тоже ждёт. И возвращается. Не наказывать, не укорять. Просто — снова быть рядом.

— А если человек не кается?

— Тогда ангел отходит окончательно. И человек остаётся один на один с тем, что выбрал. С демонами. С пустотой.

Денис, который всё это время сидел с непроницаемым лицом, вдруг спросил:

— А вы сами верили в ангелов всегда? Или не сразу?

Отец Николай посмотрел на него долгим взглядом. Не с укоризной, а с той тихой внимательностью, которая бывает у людей, много видевших.

— Не всегда. Я пришёл к вере взрослым. Был инженером, между прочим. Строил мосты. И однажды чуть не погиб на стройке. Упала балка — метрах в двух от меня. Если бы я сделал лишний шаг Я тогда услышал голос. Не громкий, не с небес. Внутри. «Остановись». Я остановился. Балка упала туда, где я был бы, если бы не послушался.

— И вы решили, что это ангел?

— Я решил, что это знак. Что есть что-то, что меня хранит. Потом уже, в Церкви, я узнал, что это может быть ангел-хранитель. Может быть. Не знаю наверняка. Но с тех пор я с ним разговариваю. Не вслух. Мысленно.

— И он отвечает? — спросил я.

— Иногда — совпадениями. Иногда — тишиной. Иногда — ощущением, что всё правильно. Знаете, когда идёшь не туда, внутри что-то щемит. А когда идёшь туда — спокойно. Это он. Или совесть. Или то и другое вместе.

— А разве совесть — не голос Божий? — спросила Марина.

— По учению Церкви — да. Совесть — это голос Бога в человеке. И ангел этот голос усиливает. Делает его слышнее.

— И заглушить его можно, — добавил я. — Забить в дальний угол.

— Можно. И тогда человек становится бессовестным. Самое страшное состояние.

Последняя история: о блудном сыне, который не сын

Отец Николай встал, подошёл к окну. Снегопад прекратился так же внезапно, как начался. Белуха снова стояла на месте — белая, высокая, вечная.

— Я хочу закончить этот вечер одной историей, — сказал он, не оборачиваясь. — Не из Библии. Из жизни.

Один человек. Пожилой. Очень больной. Лежал в реанимации. Врачи сказали родным: готовьтесь. И он сам знал, что конец близок.

Он не был верующим. Никогда не задумывался о душе, о Боге, о вечности. Жил — и всё. Работал, растил детей, болел.

И вот, когда сердце остановилось, он увидел. Не тоннель, не свет. Увидел — себя. Со стороны. И рядом — кого-то. Бесплотного. Кто держал книгу. Огромную, тяжёлую. И перелистывал страницы.

— Ты видишь? — спросил бесплотный.

И человек увидел. Каждую свою обиду. Каждую ложь. Каждый раз, когда мог помочь — и прошёл мимо. И каждую секунду, когда любил по-настоящему. Их было так мало. Но они были.

— Что мне теперь будет? — спросил человек.

— Сейчас — возвращайся, — сказал бесплотный. — Ещё не время. Но помни: ты видел.

Сердце запустилось. Человек выжил. И изменился. Стал тихим, внимательным, благодарным. И перед смертью, через несколько лет, он сказал жене: «Я знаю, куда иду. Меня встретят».

— Кто? — спросила жена.

— Тот, кто держал книгу.

Отец Николай повернулся к нам.

— Этот человек — мой отец. Я рассказываю вам эту историю не как доказательство. Как свидетельство. Он не врал на смертном одре. Он видел то, что видел.

— Хранитель, — тихо сказала Марина.

— Ангел, — кивнул священник.

Денис молчал. И это молчание было громче любого спора.

Огонь догорает

Поздно ночью, когда все разошлись, я остался у камина один. Дрова превратились в угли, угли — в пепел.

Я думал об ангелах. О том, что они есть — не потому, что я верующий или неверующий. А потому, что слишком много людей в слишком разных культурах, в слишком разные времена описывали одно и то же.

Невидимые свидетели. Хранители у порога. Те, кто знает каждую мысль.

Бехтерева не побоялась сказать: «То, что я увидела, противоречит всему, во что мы привыкли верить».

Может быть, нам просто пора привыкнуть верить в другое.

Не в то, что ангелы — это сказка для детей.

А в то, что они — функция, а не природа.

Их природа — любовь.

А функция — хранить нас.

Даже когда мы не верим.

Даже когда мы отворачиваемся.

Даже когда мы выбираем тьму.

Они ждут.

Как тот отец из притчи, который ждал блудного сына.

Не с бичом, не с приговором.
С распахнутыми объятиями.
И с книгой, где записано всё.

Вечер третий. Кармический костяк и свобода воли. Судьба, выбор, информационное поле

Белуха, третий вечер. Снегопад, начавшийся ещё утром, к вечеру превратился в настоящую пургу. Ветер бьёт в стены, но внутри — тепло, пахнет хвоей и сухими дровами. Мы сидим ближе к огню, чем в прошлые вечера. Кажется, сама погода напоминает, что мы здесь — не на отдыхе, а на работе. Работе над главными вопросами.

Вопрос, который не даёт спать

Денис сегодня пришёл первым. Он сидел у камина, подкидывал поленья и хмурился. Когда мы вошли — я, Алексей, Марина и отец Николай, — он не обернулся. Сказал, глядя в огонь:

— Я вчера почти не спал.

— Какие-то мысли? — спросил я, усаживаясь напротив.

— Мне приснился ангел.

— Это хорошо, — улыбнулся отец Николай.

— Нет. Это странно. Я не верю в ангелов. Я вообще не верю ни в какую метафизику. А тут — сон. Яркий. До мельчайших деталей. И я проснулся с ощущением, что что он был реален.

— И что он сказал тебе? — спросил Алексей, доставая блокнот.

— Ничего. Просто стоял и смотрел. Без лица. Без тела. Но я знал, что это он. И знал, что он знает всё. Каждую двойку в школе, каждую разбитую чашку, каждую улыбку не тому, кому нужно. Всё.

— Может, это совесть? — предположила Марина.

— Нет. Совесть — это чувство. А это было знание. Чистое, холодное знание. Без осуждения, без похвалы. Просто — факты.

— Хроники Акаши, — тихо сказал Алексей.

— Что?

— Древнеиндийское понятие. Эфирная сущность, которая заполняет всё пространство и записывает информацию обо всём, что происходило или будет происходить во Вселенной. Некоторые экстрасенсы, например Эдгар Кейси, утверждали, что читают именно там. Получают ответы из «эфирного поля памяти».

— А современная наука? — спросил Денис. — Она что-то говорит про такое поле?

Алексей улыбнулся.

— Говорит. Называется глобальное энергоинформационное поле. Гипотеза, пока не доказанная, но и не опровергнутая. Идея в том, что все материальные объекты — от камня до человека — имеют свои энергетические поля. Эти поля несут информацию о свойствах объекта и о том, что с ним происходит.

— И эта информация никуда не исчезает? — спросила Марина.

— По закону сохранения энергии — ничто не исчезает бесследно. Всё переходит из одной формы в другую.

— Значит, информация о каждом моём поступке — начал Денис.

— Сохраняется навсегда. Да. Где-то там. Не в раю и не в аду. В поле. Информационном поле.

Отец Николай перекрестился.

— Поразительно, как наука приближается к тому, что Церковь знала всегда. Есть Книга Жизни, в которой записаны дела каждого человека.

— А есть свобода воли, — добавил я. — Мы же не марионетки.

— Вот об этом мы сегодня и поговорим, — сказал Алексей, закрывая блокнот. — О том, что такое судьба на самом деле. И какой в ней нашей свободе.

Нулевой код: каркас, а не рельсы

Алексей начал не с физики. Начал с истории.

— В Китае, — сказал он, — есть древнее верование. Невидимая красная нить связывает тех, кому суждено встретиться. Нить может растягиваться, сбиваться в клубок, но никогда не рвётся.

— Это я помню, — кивнул Денис. — В прологе было.

— Так вот. Эта нить — не жёсткий маршрут. Она не принуждает. Она — связь. Возможность. Потенциал. И только от вас зависит, превратится ли этот потенциал в реальность.

— Как в квантовой физике, — вставила Марина. — Волновая функция. Множество возможностей, которые коллапсируют в один результат в момент измерения.

— Точно. И я бы назвал это нулевым кодом. Каркас, костяк. Те люди, события и уроки, которые должны произойти наверняка или с высокой вероятностью. Кармический костяк. А между этими костями мы можем петлять как угодно.

— Петлять? — переспросил Денис.

— Выбирать дорогу. Поворачивать налево или направо. Идти быстрее или медленнее. Останавливаться на привал или бежать без оглядки. Судьба — это не рельсы. Судьба — это карта.

— С отмеченными точками, которые надо посетить? — спросил отец Николай.

— С отмеченными точками, которые желательно посетить. Но можно и пропустить. Только тогда следующий круг будет сложнее.

— Следующий круг? — Денис нахмурился. — Вы про реинкарнацию?

Алексей пожал плечами.

— Я про то, что информация не исчезает. Если вы не прошли какой-то урок в этой жизни, вам придётся проходить его в следующей. В той или иной форме.

— Это не христианство, — заметил отец Николай. — Христианство говорит об одной жизни и одном суде.

— Это не христианство, — согласился Алексей. — Это гипотеза. Но гипотеза, которая объясняет некоторые феномены. Например, почему дети иногда помнят прошлые жизни. И почему эти воспоминания исчезают к пяти-шести годам — когда включается механизм забывания.

— А зачем нужно забывание? — спросила Марина.

— Чтобы не мешало. Представьте, что вы помните все свои прошлые жизни. Все ошибки, все трагедии, всех потерянных любимых. Вы бы сошли с ума. Забывание — это милосердие.

— И инструмент свободы, — добавил отец Николай неожиданно. — Если бы вы помнили, что было раньше, у вас не было бы чистого листа. А так — вы каждый раз начинаете сначала. Свободно. Без груза.

— Кроме одного груза, — возразил Денис. — Характера.

— Характер — это не груз, — сказал Алексей. — Это компас.

Восемь листов заданий: кто их пишет?

Марина отставила кружку и посмотрела на Алексея в упор.

— Вы говорите о нулевом коде, о кармическом костяке, о точках, которые надо посетить. Но кто определяет эти точки? Случай? Бог? Мы сами?

— Мы сами.

— В каком смысле? — удивился Денис.

— В прямом. Приходя в этот мир, мы приносим с собой группу задач, которые решили осуществить. Список на восемь листов для путешествия в жизнь мы пишем сами. Вместе с нашими друзьями и учителями. Ещё на той стороне.

— До рождения, — прошептала Марина.

— До рождения. Мы выбираем семью, страну, основные вызовы. Слабые места и сильные. Даже болезни — иногда это уроки, а не наказания.

— И зачем нам такие сложности? — спросил Денис. — Зачем добровольно выбирать трудную жизнь?

— Чтобы расти. Душа растёт через преодоление. Если бы всё было легко, не было бы развития. Вы бы застыли.

— Как золото в огне, — снова вспомнил я Мамонова.

— Да. Именно так.

Отец Николай задумчиво крутил чётки.

— В христианстве нет учения о предсуществовании души. Церковь учит, что душа творится Богом в момент зачатия. Но — он помолчал, — это не отменяет того, что у каждого есть своё призвание. Свой путь. Свои дары и свои испытания.

— И вы можете выбирать, как пройти этот путь, — сказал Алексей. — Грубо или мягко. Осознанно или во сне. С любовью или в страхе.

— Выбор — вот главное слово сегодня, — подвела итог Марина.

Синхрония: язык, на котором говорит «та сторона»

— А теперь о том, что вас, скорее всего, волнует больше всего, — Алексей пересел ближе к огню. — О совпадениях.

— О тех самых, которые не случайны? — спросил я.

— Именно. Юнг называл это синхронией. Смысловое совпадение, которое не объясняется причиной и следствием. Вы думаете о человеке — и он звонит. Вы открываете книгу на нужной странице. Вы встречаете незнакомца, который говорит именно то, что вы боялись себе признать.

— Со мной такое было, — неожиданно сказал Денис. — Один раз. Когда я решил уйти из аспирантуры. Я мучился полгода, не спал ночами, не знал, как сказать научному руководителю. И вдруг — случайно — наткнулся в интернете на цитату. Не помню чью. «Если ты боишься — значит, это твой путь. Страх указывает направление».

— И что ты сделал? — спросил отец Николай.

— Ушёл. И не пожалел.

— Это и есть синхрония, — кивнул Алексей. — Диалог с той стороной. Ваши хранители — или ангелы, если угодно — подбрасывают вам знаки. Не потому, что они хотят играть в прятки. А потому, что вы не слышите прямой речи.

— Почему не слышим? — спросила Марина.

— Потому что шумно внутри. Мысли, страхи, желания, чужие голоса. Трудно услышать тихий голос среди этого гвалта. А совпадения — они громче. Они пробиваются.

— И если в вашей жизни происходит множество совпадений, — добавил я, — это означает, что вы на правильном пути.

— Или что вы в критической точке, — уточнил Алексей. — Что вам нужно принять важное решение. И вам помогают. Подсказывают.

— А если совпадений нет? — спросил Денис.

— Тогда вы либо на мертвой ветке, либо не умеете смотреть. Совпадения есть всегда. Просто не все их замечают.

Отец Николай тихо засмеялся.

— Знаете, как у нас на приходе одна бабушка говорит? «Господь стучится, а я не открываю, потому что телевизор ору». Вот так и здесь.

Мы засмеялись все. Даже Денис — впервые за три вечера — улыбнулся по-настоящему.

Вероятность, которая равна 99,99%

— Есть один феномен, который меня особенно зацепил в тех материалах, которые мы читали перед отъездом, — сказал я. — Ощущение, что при встрече с новым человеком вы уже знали его раньше. Хотя видите в первый раз.

— А, это! — Алексей оживился. — В файле была цифра — 99,99%. Вероятность того, что это ощущение — не ошибка памяти, не иллюзия, а реальная связь.

— Откуда такой высокий процент? — спросил Денис.

— Из опыта. Не моего — тысяч людей. Психологи, парапсихологи, нейрофизиологи собирали данные. И пришли к выводу: в подавляющем большинстве случаев это не галлюцинация. Это реальное узнавание.

— Узнавание чего? — спросила Марина.

— Того, что вы были связаны раньше. В другой жизни. В другом сценарии. Или в этом же — но на уровне прототипа. Вы встречали этого человека в своих планах, в своём списке на восемь листов. И когда встречаете в реальности — что-то щёлкает. «А, это ты».

— И это относится только к любовным отношениям? — спросил отец Николай.

— Нет. К врагам тоже. К учителям. К тем, кто нас предаёт. К тем, кто спасает. Красная нить — она не только розовая. Она бывает и чёрной.

— Нити бывают разные, — тихо сказал священник. — Есть нити любви, есть нити прощения, есть нити урока. Но все они — не рвутся.

— Кроме одной, — возразил Алексей. — Если человек сознательно, многократно, с удовольствием выбирает зло, нить истончается. Не рвётся — но истончается. До почти невидимого состояния.

— Пока не порвётся окончательно? — спросил Денис.

— Пока человек не умрёт без покаяния. Тогда — да. Тогда нить исчезает.

— И что это значит?

— Это значит, что душа аннигилирует. Не переходит в ад, не перерождается. Просто — перестаёт существовать.

Стало тихо. Ветер за окном словно затих, прислушиваясь.

Марина медленно произнесла:

— Вы хотите сказать, что есть предел милосердию? Что Бог может стереть душу?

— Не Бог, — поправил Алексей. — Сам человек. Своим выбором. Бог не творит смерти. Но если душа настолько срослась со злом, что даже после смерти не может отделиться, не хочет каяться — она разлагается. Как опухоль. Как организм, который не может восстановиться.

Отец Николай перекрестился.

— Это страшное учение.

— Это не учение, — сказал Алексей. — Это предположение. Но его подтверждают некоторые описания клинической смерти. Те, кто встречал не свет, а пустоту. Не любовь, а равнодушие. Не суд, а растворение.

— А вы верите в это? — спросил я.

Он посмотрел на огонь.

— Я не хочу в это верить. Но я не могу это игнорировать.

Судьба восьмилетней девочки

— Давайте вернёмся к более светлому, — предложила Марина. — Вы упомянули, что в информационном поле восьмилетней девочки можно увидеть возможных мужей и детей. Это действительно так?

— Так говорят. Я сам не проверял, — улыбнулся Алексей. — Но логика такая: вероятностные линии судьбы существуют. Они просчитываются. Не жёстко, а как спектр возможностей. Два-четыре варианта — обычно. Иногда больше.

— И последний выбор остаётся за девочкой, — добавил я.

— Всегда. Никто не может заставить её выбрать Того или Этого. Даже хранители. Даже ангелы.

— Но они могут подсказывать, — сказал отец Николай. — Сводить, разводить, создавать обстоятельства.

— Могут. Но не принуждать.

Денис, который всё это время молчал, вдруг спросил:

— А что, если я не хочу выбирать? Если я просто плыву по течению?

— Тогда выбор сделают за вас обстоятельства, — жёстко сказал Алексей. — И это будет хуже. Потому что вы отдадите свою свободу в руки случайности. А случайность, как правило, зла.

— Случайность — это не зло, — возразила Марина. — Это просто непредсказуемость.

— В физике — да. В судьбе — нет. В судьбе случайность — это бегство от ответственности.

— Как сказал Мамонов, — вспомнил я, — «недовольство нужно устремлять вглубь себя. А мы устремляем вовне: правительство, пенсия, там не так, там не так. Ты загляни в себя, браток!»

— Да, — кивнул отец Николай. — Именно об этом. Выбор начинается внутри. Если внутри пустота, снаружи будет хаос.

Как петлять между костями

Алексей размял шею — долгое сидение давало о себе знать — и продолжил:

— Давайте я попробую нарисовать схему. Не как математик, а как рассказчик.

Представьте, что ваша жизнь — это поездка на машине по большому городу.

— Это метафора? — спросил Денис.

— Да. У вас есть пункты назначения, которые вы должны посетить. Работа, которую вы должны сделать. Люди, с которыми вы должны встретиться. Уроки, которые вы должны усвоить. Это — кармический костяк, нулевой код.

— Но вы можете выбирать дороги. Вы можете ехать быстро или медленно. Можно ехать по центральным проспектам — это легко, но там пробки. Можно по дворам — быстрее, но рискованно. Можно вообще пешком — дольше, зато увидите больше.

— И можно свернуть не туда? — спросила Марина.

— Можно. И тогда вы потеряете время. Или попадёте в аварию. Или — что хуже — заедете в тупик, из которого трудно выбраться.

— И что тогда? Тогда следующая жизнь? — спросил Денис.

— Тогда — да. Или, если вы верите в христианство — тогда чистилище. Или тяжёлая болезнь. Или внезапная потеря. Мир устроен так, что непройденные уроки возвращаются. В той или иной форме.

— Жестоко, — сказал Денис.

— Милосердно, — возразил отец Николай. — Потому что у вас есть второй шанс. И третий. И десятый. Пока вы не научитесь.

— А если не научитесь за десять?

— Значит, одиннадцатый будет ещё тяжелее.

— И так до бесконечности?

— До тех пор, пока душа не скажет: «Хватит, я выбираю другой путь». Это и есть свобода.

Вмешательство извне: кто стучится

— В файле было очень важное замечание, — сказал я, открывая ноутбук — там, на столе, лежали наши распечатки. — Цитирую: «Определить вмешательство извне можно по так называемым "совпадениям" или "синхронизациям", которые по сути являются подтверждением диалога с той стороной. Прокручивая одни и те же детали сценариев, наши хранители с дружеской улыбкой подчёркивают своё участие».

— Я это помню, — кивнул Алексей. — Ключевая фраза — «с дружеской улыбкой». То есть это не наказание, не экзамен. Это помощь. Они хотят, чтобы мы заметили.

— Но почему они не говорят прямо? — спросил Денис.

— Потому что прямое вмешательство лишило бы вас свободы. Если бы ангел явился вам сейчас в сиянии и сказал: «Делай то и то», — вы бы сделали. Не потому, что вы выбрали, а потому, что испугались. А это не выбор. Это подчинение.

— Как в Ветхом Завете, — заметил отец Николай. — Когда ангел являлся, люди падали ниц и трепетали. Это не диалог равных.

— А тут — равные? — спросила Марина.

— Почти. Не равные по силе, но равные по достоинству. У вас есть свобода сказать «нет». Даже ангелу. Даже самому Богу.

— И люди говорят?

— Говорят. Каждый день. И ангелы отступают. С уважением. Но с печалью.

— Как в тот вечер, когда Иисус сказал: «Отойди от Меня, сатана»? — спросил я.

— Да. Только там было наоборот: Христос сказал «нет» искушению. А здесь — человек говорит «нет» хранителю.

— И что тогда?

— Тогда человек остаётся один. И учится на своих ошибках. И это самый долгий путь. Алексей вздохнул.

— Самый долгий, но иногда самый нужный. Некоторые люди не верят в подсказки. Им нужно удариться лбом об стену. А потом ещё раз. И ещё. Пока не поймут, что стена — не друг.

— Как я в молодости, — тихо сказал отец Николай.

Мы посмотрели на него. Священник, всегда такой спокойный, вдруг показался почти мальчишкой.

— Я был упрямый, — сказал он. — Мне ангел стучался много раз. А я отмахивался. «Отстань, я сам знаю». А потом был тот случай с балкой. И голос: «Остановись». Я остановился. И понял, что не один.

— Поэтому вы и стали священником?

— Поэтому я перестал быть инженером. А священником стал позже. Это уже был другой выбор. Осознанный.

Денис слушал, не перебивая. Впервые за три дня он не пытался спорить. Просто слушал.

Запутанность, которая превосходит воображение

— Ещё один фрагмент, — я снова открыл ноутбук. — «Иногда запутанность таких связей может превосходить самое продвинутое человеческое воображение и казаться полным абсурдом».

— О да, — усмехнулся Алексей. — Это я знаю по собственному опыту.

— Какой опыт? — спросила Марина.

Алексей помолчал. Потом сказал:

— У меня был друг. Мы учились вместе в аспирантуре. Очень талантливый физик, светлая голова. Потом мы потеряли связь на двадцать лет. И вот, пять лет назад, я летел в Нью-Йорк на конференцию. Случайно? Или не случайно? В соседнем кресле оказался он.

— Вы не знали, что он летит?

— Не знал. Мы не общались двадцать лет. И вдруг — рядом. Двадцать часов полёта мы проговорили. Оказывается, он тоже всё это время думал о той же проблеме, что и я. О квантовой запутанности. И пришёл к тем же выводам.

— Совпадение? — спросил Денис.

— Если бы одно — да. Но их было много. Слишком много. После той встречи мы начали работать вместе. И сделали то, что поодиночке не могли.

— Красная нить? — спросил отец Николай.

— Красная нить. Или информационное поле. Или судьба. Назовите как хотите. Но это было.

— А вы верите, — спросил я, — что эти нити планируются заранее? Что вы с ним запланировали эту встречу до рождения?

Алексей долго смотрел на огонь.

— Я не знаю. Но иногда мне кажется — да. Что мы договорились. Ещё там. Встретиться именно в этом месте, в это время, чтобы решить именно эту задачу.

— А вы не боитесь, что это иллюзия? Что вы сами себе придумываете связь, которой нет?

— Боюсь. Но тогда слишком многое надо объявить иллюзией. Слишком много совпадений. Слишком много раз, когда жизнь работала как хорошо отлаженный механизм. Я не могу это игнорировать. Я физик. Я верю в данные.

— И ваши данные говорят

— Что мир гораздо сложнее, чем мы думали. И гораздо связнее.

Последний выбор всегда за нами

Марина посмотрела на часы. Было уже за полночь, но никто не уходил.

— Мне кажется, — сказала она, — мы должны закончить этот вечер на очень важной ноте. Вы, Алексей, говорили, что последний выбор всегда за нами. Что это значит на практике?

— На практике это значит, что никто не проживёт вашу жизнь за вас. Ни ангелы, ни демоны, ни Бог. Они могут подсказывать, мешать, защищать, искушать. Но решение — ваше.

— И даже если я выберу плохо?

— Да. Даже тогда. Свобода — это свобода ошибаться.

— И платить за ошибки, — добавил отец Николай.

— И платить. Но плата — это тоже урок. Иногда самый ценный.

Денис встал, прошёлся по комнате.

— А как понять, что я выбрал правильно? Как отличить свой голос от голоса ангела, а ангела — от демона, который прикидывается светлым?

Отец Николай ответил сразу:

— По плодам. Если ваш выбор приносит мир в душу — даже через боль — это от Бога. Если он приносит пустоту, злобу, отчаяние — это не от Него.

— А если приносит удовольствие, но потом пустоту?

— Это искушение. Демон даёт сладкое в начале и горькое в конце. Бог — часто горькое в начале и сладкое в конце.

— Крест, а потом Воскресение, — тихо сказал я.

— Да.

Алексей кивнул.

— В физике есть принцип наименьшего действия. Природа выбирает путь, который требует минимальных затрат энергии. В жизни — наоборот. Самый лёгкий путь почти всегда ведёт в тупик. А правильный — требует усилий.

— Золото в огне, — снова вспомнил я.

— Золото в огне, — согласился он.

Мы замолчали. Ветер за окном стих. Белуха, если бы мы могли её видеть сквозь снежную пелену, стояла бы на месте — белая, огромная, равнодушная и одновременно — зачем-то нужная.

Угли и звёзды

Я подбросил в камин последние поленья. Они зашипели, потом занялись ровным пламенем.

— Третий вечер, — сказал я, — подходит к концу. Мы говорили о нулевом коде, о красной нити, о свободе воли, о синхрониях и о том, что совпадения — это язык хранителей.

— И о том, — добавил Денис, — что я, оказывается, видел ангела во сне. И это, возможно, не ерунда.

— Не ерунда, — сказал отец Николай. — Возможно, твой хранитель решил, что ты уже достаточно взрослый, чтобы начать слышать.

— Я всё равно не верю в ангелов, — сказал Денис, но в его голосе уже не было той уверенности, что в первый вечер.

— Не верь, — улыбнулся Алексей. — Но наблюдай. Смотри на совпадения. Записывай их. И через год посмотри, что получится.

— Вы ведёте дневник совпадений? — спросил Денис.

— Тридцать лет. И знаете, что я понял? Когда я иду правильным путём, совпадений много. Когда ошибаюсь — их почти нет. Тишина. Такая пустая, холодная тишина.

— Как отключение от сети, — сказала Марина.

— Да. Как будто хранитель говорит: «Ты меня не слушаешь, я помолчу. Сам разбирайся».

— И вы разбирались?

— Иногда — месяцами. Но потом возвращался. И совпадения возвращались.

Отец Николай перекрестился.

— Слава Богу за всё.

— Слава Богу, — повторил я.

Марина встала, потянулась.

— Завтра четвёртый вечер. Тема — «Что видит умирающий мозг?» Бехтерева, клиническая смерть, тоннель и свет. Я буду рассказывать. Готовьте вопросы.

— А сегодня? — спросил Денис.

— Сегодня — спать. И подумать о том, что каждый ваш выбор записывается. Где-то там. В поле. В Хрониках Акаши. В книге жизни.

— И что эта запись не исчезает, — добавил я.

— И что мы сами — её авторы.

Они разошлись. Я остался у камина один. Дрова догорали, угли светились красным, оранжевым, почти белым в самом центре.

Я думал о восьмилетней девочке, которой показывают возможных мужей. О хирурге, который встретил существ без лиц, знавших каждую его мысль. О красной нити, которая никогда не рвётся, но может истончиться до почти невидимости.

О свободе, которую мы боимся использовать.

И о выборе, который делаем каждую минуту — даже сейчас, когда я пишу эти строки, а за окном метель, а Белуха стоит в темноте, как часовой между мирами.

Выбор — это всё.

Всё остальное — декорации.

Вечер четвертый. Что видит умирающий мозг? Клиническая смерть как мост

Белуха, четвёртый вечер. Пурга, бушевавшая весь вчерашний день и всю ночь, к утру утихла. Но к вечеру вернулась — с новой силой. За окном — белая стена. Кажется, что мы отрезаны от всего мира. И это правильно. Для такого разговора нужна полная изоляция.

Тишина перед самым главным

Марина пришла к камину раньше всех. Сидела в кресле, поджав ноги, с чашкой чая, и смотрела на огонь. Когда мы вошли — я, Алексей, отец Николай, а следом и Денис с заспанным лицом, — она не обернулась. Сказала, не меняя позы:

— Сегодня будет тяжело.

— Почему? — спросил Денис, садясь напротив.

— Потому что мы будем говорить о границе. О той секунде, когда человек ещё здесь, но уже не здесь. И о том, что он там видит.

— Или не видит, — добавил Алексей.

— Или не видит, — согласилась Марина. — Но это тоже результат.

Отец Николай молча перекрестился и сел в своё обычное кресло — справа от камина, так чтобы свет падал на лицо, но не слепил.

— Я сегодня буду слушать больше, чем говорить, — сказал он. — Эта тема — не моя территория.

— Территория науки? — спросил я.

— Территория опыта. Того, что человек переживает на грани. А наука этот опыт описывает. Я же могу только верить. Или не верить.

— Сегодня мы попробуем обойтись без веры, — сказала Марина. — Только факты. И интерпретации фактов.

Денис усмехнулся.

— Обещаете?

— Постараюсь.

Она поставила чашку и начала.

Клиническая смерть: окно, которое длится 4–6 минут

— Давайте сразу договоримся о терминах, — Марина говорила ровно, спокойно, как на лекции, но без лекционной сухости. — Клиническая смерть — это состояние, при котором останавливаются дыхание и кровообращение, но ткани мозга ещё не погибли. Это окно. Оно длится 4–6 минут. После него наступают необратимые изменения.

— А потом — биологическая смерть, — добавил Алексей.

— Да. Полное и необратимое прекращение всех функций.

— Но есть ещё смерть мозга, — сказала Марина. — Во многих странах это официальный критерий. Мозг не работает — человека уже нет. Даже если сердце бьётся.

— Страшновато, — признался Денис. — Этакая зона неопределённости.

— Именно в этой зоне и происходят самые загадочные вещи. То, что называют околосмертным опытом.

Она сделала паузу.

— По разным данным, от 10 до 20 процентов людей, переживших остановку сердца, сообщают о необычных переживаниях. Ощущение выхода из тела, свет в конце туннеля, чувство покоя, встречи с умершими родственниками. И самое удивительное — панорамный обзор своей жизни. Всё сразу, за секунду.

— Как в фильме, прокрученном на высокой скорости? — спросил я.

— Не на высокой. Вне времени. Люди описывают это так: «Я увидел всю свою жизнь одновременно. Не последовательно, а целиком. И каждое событие чувствовалось — не только факт, но и его последствия. Как будто я стал и актёром, и зрителем, и режиссёром».

— И это не галлюцинация? — спросил Денис. — Не бред умирающего мозга?

— Это вопрос на миллиард долларов, — улыбнулась Марина. — И сегодня мы попробуем на него ответить.

Проект AWARE: когда наука берётся за необъяснимое

Алексей, который всё это время листал свой блокнот, поднял голову.

— Марина, расскажите про проект AWARE. Это важно.

— Да. Крупнейшее исследование околосмертного опыта на сегодняшний день. Доктор Сэм Парния, реаниматолог, руководил им с 2008 по 2014 год. Две тысячи шестьдесят пациентов в больницах США и Великобритании.

— И что нашли? — спросил Денис.

— Около 39 процентов пациентов, переживших остановку сердца, сообщили о чувстве осознанности. То есть они помнили что-то из того времени, когда их мозг, по идее, уже не функционировал.

— Один пациент, — продолжила Марина, — смог точно описать события, происходившие в операционной. Когда его сердце не билось, а мозг не подавал признаков активности.

— Как это проверили? — спросил я.

— В палатах развесили картинки на высоких полках. Их можно было увидеть только с потолка — если парить над собственным телом. И один пациент — один из сотен — правильно описал эти картинки.

— Всего один из сотен, — заметил Денис.

— Всего один. Но это один больше, чем ноль. Если бы это была галлюцинация, совпадение было бы невозможным. А оно — случилось.

— Синхрония? — спросил отец Николай.

— Или доказательство. Слабое, статистически незначимое, но — доказательство. Достаточно, чтобы не закрывать тему.

Марина вздохнула.

— Парния продолжает исследования. Сейчас — проект AWARE II. Результатов пока нет. Но то, что уже есть, заставляет задуматься.

Нейрохимия смерти: дофамин, серотонин и чувство покоя

— Теперь давайте посмотрим на это с другой стороны, — Марина перешла на более жёсткий тон. — С точки зрения нейрохимии.

— Это моя любимая часть, — усмехнулся Денис.

— Я знаю. Вы, скептики, обожаете сводить всё к молекулам.

— А разве нет?

— И да, и нет. Давайте по порядку.

Она встала, подошла к столу, где лежали распечатки, взяла одну.

— Исследования показывают: в момент клинической смерти мозг не затихает. Наоборот. Он выдаёт всплески активности. Интенсивные, организованные, похожие на те, что бывают у бодрствующего человека.

— Как это возможно? — спросил я.

— Не знаю. Но факт есть факт. Учёные из Мичиганского университета зафиксировали у крыс после остановки сердца такую активность, которая напоминает бодрствование. Назвали это «последним пробуждением мозга».

— Крысы видели свет в конце туннеля? — съехидничал Денис.

— Не знаю. Крысы не говорят. Но у людей — говорят. И они описывают удивительно похожие вещи.

Марина вернулась в кресло.

— Что происходит с нейромедиаторами? Выброс дофамина увеличивается почти в 12 раз. Это объясняет чувство эйфории, удовольствия, покоя. Серотонин — в 20 раз. Он связан со зрительными галлюцинациями. Свет в конце туннеля, ангелы, духи — всё это может быть результатом выброса серотонина.

— То есть, — Денис оживился, — вся эта мистика — просто химия?

— Не «просто». Химия — это механизм. Но сам опыт — не механизм. Вы можете объяснить, как работает двигатель, но вы не объясните, почему поездка вызывает радость или страх.

— Это возвращает нас к трудной проблеме сознания, — заметил Алексей. — Квалиа. Ощущение света не равно нейрохимии света.

— Именно. Мы можем измерить дофамин, но не можем измерить умиротворение. Мы можем зафиксировать выброс серотонина, но не можем зафиксировать встречу с умершей бабушкой.

— Так что же это? — спросил Денис. — Химия или реальность?

Марина посмотрела на него долгим взглядом.

— А почему это должно быть взаимоисключающим? Почему химия не может быть каналом для реальности? Почему нейромедиаторы — не язык, на котором духовный мир общается с физическим?

— Это уже метафизика, — нахмурился Денис.

— Это вопрос. Не ответ.

Отец Николай, до сих пор молчавший, тихо сказал:

— В христианстве есть понятие «умное делание». Молитва меняет химию мозга. Это доказано. Но это не отменяет того, что молитва — это диалог с Богом. Химия — не замена. Химия — мост.

— Вот именно, — кивнула Марина. — Мост.

Бехтерева: то, что она увидела

— Мы уже несколько раз упоминали имя Бехтеревой, — сказал я. — Может, расскажем о ней подробнее?

— Наталья Петровна Бехтерева, — начала Марина, — нейрофизиолог с мировым именем. Внучка знаменитого Владимира Бехтерева. Директор Института мозга человека в Петербурге. Человек, который привык сомневаться, проверять, измерять.

— И что она сказала? — спросил Денис.

— Она сказала то, что учёный её уровня боится говорить публично. Она сказала: «То, что я увидела, изучая мозг умирающих людей, противоречит всему, во что мы привыкли верить. Смерть — это не встреча с родными. Это встреча с теми, кто всегда был рядом, но оставался невидимым».

— С хранителями, — тихо сказал я.

— Да. Бехтерева называла их по-разному — хранители, наблюдатели, архивариусы. Но суть была одна. Это не судьи, не каратели. Это те, кто фиксирует, сохраняет, показывает.

— И она верила, что они реальны?

— Она верила, что пациенты, пережившие клиническую смерть, видели нечто реальное. Не галлюцинацию. Не бред. А именно встречу с невидимыми сущностями.

— Но она не могла это доказать, — заметил Алексей.

— Не могла. Поэтому долго молчала. Писала в дневниках, но не публиковала. Боялась, что её назовут сумасшедшей.

— И правильно боялась, — сказал Денис. — Потому что звучит это ну, ненаучно.

— Ненаучно — до тех пор, пока не становится научным. Пока кто-то не найдёт способ измерить.

— А нашли?

Марина покачала головой.

— Не нашли. Но нашли другие странности. Например, рассказы детей.

Дети, которые не умеют врать

Отец Николай оживился.

— О детях я хочу послушать особенно. У нас на приходе одна девочка рассказывала, что помнит, как выбирала маму. Ей тогда было три года. Она говорила: «Я сидела в белой комнате, и много людей, и я выбрала ту, которая улыбалась».

— Клинической смерти у неё не было, — уточнила Марина. — Но есть феномен ранних воспоминаний. Некоторые дети до 5–6 лет помнят что-то до рождения. Потом забывают.

— А что говорят исследования? — спросил я.

— Есть работы, где детей, переживших клиническую смерть, спрашивали, что они видели. Ответы удивительно однотипны. Не «ангелов», не «рай». Они говорят о существах без лиц, без тел. Которые излучают свет. И которые показывают им картинки из будущего.

— Из будущего?

— Да. Одна девочка, едва не утонувшая в бассейне, рассказывала: «Ко мне пришли три феи. Они были очень красивые и светились. Одна показала, как я буду учиться в школе, другая — как я буду помогать маме, а третья сказала, что пора возвращаться, потому что папа плачет».

— И что, сбылось? — спросил Денис.

— Сбылось. Девочка пошла в школу, помогала маме, папа действительно плакал, когда её откачивали. Детали — совпали.

— Совпадение? — спросил я.

— Возможно. Но таких случаев много. Слишком много, чтобы списать их на случайность.

Алексей, который делал пометки в блокноте, поднял голову.

— Знаете, что меня больше всего поражает в этих историях? Дети не боятся. Они описывают смерть как встречу. Не как конец. Как переход.

— Потому что страх — это культурный конструкт, — сказала Марина. — Детей не научили бояться смерти. Им сказали, что бабушка ушла на небо, и они в это поверили. А потом, когда они сами оказываются на границе, они узнают то, что уже знали.

— Или думают, что узнали, — добавил Денис.

— Или так, — согласилась Марина, не споря.

Запись, которая не стирается

Отец Николай откашлялся.

— Вы, Марина, сказали, что пациенты часто описывают панорамный просмотр жизни. Все события за раз. Что это может быть?

— Нейрофизиологическое объяснение — всплеск активности в височных долях, гиппокампе. Эти области отвечают за память. Когда они активируются одновременно, может возникнуть ощущение «вся жизнь перед глазами».

— А не нейрофизиологическое объяснение? — спросил я.

— Что душа в этот момент видит всё, что накопила. И что хранители показывают ей эту запись. Не для суда, не для наказания. Для понимания. Чтобы человек увидел, как его действия связаны с последствиями. И чтобы сделал выводы.

— Перед окончательным переходом? — спросил Денис.

— Или перед возвращением. Те, кто вернулся, часто говорят: «Мне показали, что я должен изменить в своей жизни». И они меняют.

— Навсегда? — спросил я.

— Не всегда. Но многие — да. Бросают пить, мирятся с врагами, начинают заниматься благотворительностью. Опыт клинической смерти — один из самых мощных катализаторов личностных изменений.

— Страх смерти исчезает, — добавил отец Николай. — Я много раз это видел. Человек, который пережил остановку сердца, перестаёт бояться умереть. Не потому, что стал храбрым. А потому, что узнал: смерть — это дверь. Не стена.

— Красиво сказано, — заметил Денис. — Но это не доказательство.

— А я и не доказываю. Я говорю о том, что видел.

Марина кивнула.

— Я тоже не доказываю. Я просто собираю данные. И данные говорят: есть феномены, которые не объясняются современной наукой. Мы можем их описывать, но не можем объяснить.

— Пока не можем, — поправил Алексей.

— Пока, — согласилась она.

Тоннель, свет и странное спокойствие

— Давайте разберём самые частые элементы околосмертного опыта, — предложил я. — Тоннель, свет, покой, встреча. Что об этом говорит наука?

— Тоннель, — начала Марина, — может быть объяснён ишемией зрительной коры. Кислородное голодание приводит к сужению поля зрения. Люди видят «трубу», в конце которой — свет.

— Но почему свет — яркий и приятный? — спросил Алексей.

— Выброс эндорфинов, дофамина, серотонина. Мозг умирающего выделяет «успокоительные» нейромедиаторы, чтобы переход был менее болезненным.

— А встреча с умершими родственниками?

— Активация височных долей, ответственных за память. Мозг «достаёт» из хранилища образы тех, кто был значим. И создаёт иллюзию встречи.

— Иллюзию? — переспросил отец Николай.

— Возможную иллюзию, — поправились Марина. — Я говорю о нейрофизиологической гипотезе. Но гипотеза — не доказательство.

— А что говорят сами пациенты? — спросил я.

— Они говорят, что это было реальнее, чем реальность. Что сон — это сон, галлюцинация — это галлюцинация, а то, что они пережили, было настоящим.

— Им можно верить? — спросил Денис.

— А почему нет? Они не имеют причин врать. Многие возвращаются изменившимися. Некоторые — со знанием того, чего не могли знать. Например, того, что происходило в операционной, пока они были «мертвы».

— Как тот единственный пациент из проекта AWARE, который описал картинки на полках?

— Да. Один из двух тысяч. Но он был.

— Статистическая погрешность, — фыркнул Денис.

— Или сигнал. Или дверь, которую мы пока не умеем открывать.

Марина посмотрела на Дениса с неожиданной теплотой.

— Я понимаю ваш скепсис. Сама такой была двадцать лет назад. Но потом я увидела слишком много, чтобы продолжать скепсис. Не перешла в веру — я учёный. Но перестала быть уверенной, что наука всё объяснит.

— Это честно, — сказал Денис.

— Спасибо.

Хранители: те, кого мы не видели, но кто всегда был рядом

— Вернёмся к Бехтеревой, — сказал я. — Она говорила не просто о «существах». Она говорила, что они всегда с нами. Что они записывают каждое слово, каждую эмоцию, каждое тайное желание.

— Да. И что только умирая, человек впервые их видит.

— Это пугает, — признался Денис.

— Должно пугать. Но не должно парализовать. Бехтерева подчёркивала: они не судьи. Они — регистраторы. Их задача — сохранить информацию. А уж как душа с этой информацией поступит — её дело.

— Или Бога, — добавил отец Николай.

— Или Бога, — не стала спорить Марина.

— А вы сами, — спросил я у неё, — верите в этих хранителей?

Она долго молчала. Потом сказала:

— Я верю, что пациенты, которые их описывают, говорят правду. Не о том, что они видели «объективную реальность». О том, что они видели нечто, что изменило их навсегда.

— И вы не можете это объяснить?

— Не могу. И меня это бесит.

— Поэтому вы здесь, — улыбнулся Алексей.

— Поэтому я здесь. Ищу ответ. Но не в молитве, не в Библии — в данных. Пока данных недостаточно.

— А вдруг их никогда не будет достаточно? — спросил я. — Вдруг смерть — это принципиально ненаблюдаемая вещь? Как горизонт событий чёрной дыры.

— Тогда придётся верить, — просто сказала Марина. — Или не верить. И это будет выбор. Не факт.

Она посмотрела на отца Николая.

— И вы, наверное, скажете, что вера — это дар?

— Скажу. Но не добавлю — «а у вас его нет». У каждого он есть. Просто не все знают, куда его положили.

Возвращение: почему одни остаются, а другие уходят

— Последний вопрос на сегодня, — сказал я, чувствуя, что силы на исходе. — Почему одни люди возвращаются из клинической смерти, а другие — нет? Что определяет эту границу?

— Медицина говорит: время. 4–6 минут. Если успели запустить сердце — шанс есть. Не успели — нет.

— А не медицина? — спросил Денис.

— А не медицина говорит: душа сама выбирает. Есть те, кто не хочет возвращаться — им там лучше. Есть те, кого отправляют обратно — потому что незаконченное дело.

— Миссия, — тихо сказал отец Николай. — То, ради чего человек пришёл.

— Да. Или урок, который он не выучил. Или люди, которые без него не справятся.

— А вы верите, что душа может выбрать смерть? — спросил я у Марины.

— Я видела пациентов, которые умирали, хотя врачи делали всё возможное. И пациентов, которые выживали, когда шансов не было. Я не знаю, что стоит за этим выбором. Но я не исключаю, что выбор есть.

— Со стороны души? — уточнил Алексей.

— Со стороны того, что остаётся, когда тело перестаёт быть.

— Сознания?

— Сознания. Души. Назовите как хотите.

Отец Николай перекрестился.

— Упокой, Господи, души усопших раб Твоих.

— Аминь, — сказал я.

Марина не сказала «аминь». Она просто кивнула.

Угли и пепел: вечер заканчивается

Денис ушёл первым — сослался на усталость. Но я заметил, как он замедлил шаг у двери, как будто хотел что-то спросить, но не решился.

Отец Николай ушёл вторым — ему нужно было к утренней молитве.

Алексей и Марина остались. Я подбросил дров.

— Сегодня было тяжело, — сказал я.

— Да, — согласилась Марина.

— Но, кажется, мы приблизились.

— К чему?

— К пониманию, что смерть — не конец. Или не только конец. Или конец, но не окончательный.

— Поэзия, — усмехнулась Марина.

— Факты, — возразил Алексей. — Мы собрали факты. Они не доказывают жизнь после смерти. Но они не доказывают и её отсутствие.

— И это всё, на что мы способны? — спросил я.

— Пока — да.

Марина встала.

— Завтра пятый вечер. Генерал Ливенцов, девять дней комы, встреча с Высшим Разумом. Это уже не моя территория. Это территория Алексея.

— И ваша, — возразил Алексей. — Потому что Ливенцов — свидетель. А свидетельства — это данные. Хотя и не научные.

— Хорошо. Завтра послушаем свидетеля.

Она ушла.

Алексей задержался.

— Знаете, — сказал он, глядя на огонь, — я сегодня вспоминал одного своего знакомого. Физика. Он умер два года назад. Рак. Последние дни он уже не говорил, только смотрел в потолок. Но перед смертью вдруг улыбнулся. Широко, по-детски. И сказал: «А они тут. И как красиво!» Потом закрыл глаза и больше не открыл.

— И вы думаете

— Я думаю, он что-то увидел. И это «что-то» было прекрасным.

— Хранители?

— Не знаю. Может быть, свет. Может быть, любовь. Может быть, то, чего мы все ждём, но боимся назвать.

Алексей ушёл. Я остался один.

В камине догорали угли. За окном выла пурга. Белуха была не видна.

Но я знал, что она там.

Как и те, кого мы называем хранителями.

Как и ответ, который мы, возможно, получим только на границе.

Но уже сейчас, сидя у огня, я чувствовал: эта граница ближе, чем мы думаем.

И то, что по ту сторону, — не пустота.

Вечер пятый. Советский генерал о том, куда идёт душа. Девять дней вне тела, орбита душ и обитель душ

Белуха, пятый вечер. Пурга, начавшаяся вчера, к утру стихла, и весь день стояла редкая для этих мест тишина. К вечеру небо прояснилось, и Белуха предстала перед нами во всей своей ледяной красоте — белая, острая, уходящая в звёздное небо, как стрела, пущенная из самого центра Земли. Мы сидели у камина, но сегодня окно не занавешивали. Гора смотрела на нас, и казалось, слушает.

Пожелтевшие страницы

Алексей вошёл в гостиную с папкой в руках. Не с блокнотом, как обычно, а с настоящей старой папкой — на кнопках, потёртой по краям, с надписью, почти стёршейся от времени.

— Что это? — спросил Денис, отрываясь от созерцания огня.

— Материалы, — сказал Алексей. — Не для печати. Не для науки. Для тех, кто ищет.

Он сел в своё кресло, положил папку на колени, но открывать не торопился.

— Сегодня у нас необычный вечер. Мы не будем обсуждать научные статьи. Мы не будем читать лекции. Мы будем слушать одного человека.

— Кого? — спросила Марина.

— Евгения Ливенцова. Генерал-майор Советской армии, инженер, прошедший войну. Человек, который не имел никакого отношения к мистике, эзотерике или религии. Но который в 1987 году пережил то, что перевернуло его жизнь.

— И что же он пережил? — спросил я.

— Он умер. И вернулся. Через девять дней.

В комнате стало тихо. Даже огонь, казалось, притих.

Отец Николай медленно перекрестился.

— Девять дней, — повторил он. — Это не случайно.

— Не случайно, — согласился Алексей. — Но не будем забегать вперёд.

Он открыл папку. Внутри были листы — пожелтевшие, исписанные убористым почерком. Не его — Ливенцова. Копии, которые Алексей получил много лет назад от одного из учеников генерала.

— Я прочитаю вам главное, — сказал Алексей. — То, что имеет отношение к нашему разговору о жизни, смерти и о том, что между ними.

Он надел очки — впервые за все вечера — и начал.

Девять дней вне тела (1987 год, госпиталь имени Бурденко)

— «Меня зовут Евгений Ливенцов, — прочитал Алексей ровным, почти бесстрастным голосом. — Родился в 1918 году. Инженер. Прошёл Отечественную войну. После войны служил в системе военно-промышленного комплекса. Никогда не интересовался оккультизмом, не верил в загробную жизнь, считал религию пережитком прошлого.

В 1987 году я перенёс тяжёлый инсульт. Врачи военного госпиталя имени Бурденко не давали никаких шансов. Организм был истощён, прогноз — крайне неблагоприятный. Я впал в кому.

И оставался в ней девять дней.

Моё тело лежало на больничной койке. Врачи делали всё возможное, но готовили родных к худшему. А я — не был в теле. Я был вне его.

Я не спал. Моё сознание продолжало существовать. Не как сон, не как галлюцинация. Как нормальное, ясное, даже более ясное, чем обычно, осознание. Только без тела. Без органов чувств. Я не видел глазами, но я видел. Не слышал ушами, но слышал. Я находился в каком-то другом пространстве — без света и без тьмы, без верха и низа.

И там были они».

Алексей поднял глаза от бумаги.

— Дальше идёт описание того, что он назвал «Высшим Разумом».

— Не Бог? — спросил отец Николай.

— Не в христианском смысле. Ливенцов подчёркивал: это не личность, не существо с бородой на облаке. Это скорее структура, система, поле сознания, которое охватывает всё живое. Оно наблюдает за развитием мира. Не вмешивается прямо — но фиксирует. И иногда — очень редко — вступает в диалог.

— С кем? — спросила Марина.

— С теми, кого «выбирает». Ливенцов писал: «Я спросил: почему я? Почему мне дано это видеть и запоминать? И услышал: "У тебя есть имя. У тебя есть биография. Тебе поверят те, кто откажутся слушать других".»

— То есть его выбрали из-за статуса? — Денис усмехнулся. — Генеральские погоны работают даже в загробном мире?

Алексей не улыбнулся.

— Возможно. Если Высший Разум хотел донести информацию до тех, кто не слушает священников и философов, — выбор военного человека с рациональным складом ума был логичен.

— И что ему сказали? — спросил я.

Алексей снова опустил глаза к бумаге.

Первое послание: о времени и здоровье

— «На девятый день проснешься. Будешь здоров», — прочитал Алексей. — Это были первые слова, которые он услышал. Не голосом — мыслью. Чёткой, как команда.

— И он проснулся? — спросил Денис.

— Проснулся. Без тяжёлых последствий. Без когнитивных нарушений. Врачи не могли этого объяснить.

— Продолжайте, — попросила Марина.

Алексей перевернул страницу.

— «После возвращения я начал записывать. Не потому, что хотел. Потому что не мог не записывать. Информация приходила сама — как будто кто-то диктовал, а я только успевал фиксировать. Рука двигалась быстрее мысли. Иногда я писал ночью, иногда — среди рабочего дня. Это было неудобно, странно, пугающе. Но я не мог остановиться.

Первое, что я понял: человечество движется не туда. Главная ошибка — погоня за материальными богатствами. Не потому, что материя зла. А потому, что она — не цель. Она — инструмент. А инструмент, ставший целью, разрушает и мастера, и инструмент».

— Это перекликается с тем, что говорил Мамонов, — заметил я. — Смысл жизни — любовь, а не обладание.

— Да, — кивнул Алексей. — Но Ливенцов идёт дальше. Он говорит о том, к чему приводит культ материального.

Он прочитал:

— «Самым разрушающим человеческим качеством является жадность. Только один этот порок может превратить человека в существо, близкое по своим качествам к животному, живущему только по законам инстинкта. Жадный человек теряет связь с душой. Он становится автоматом — потреблять, накапливать, охранять. И в конце пути его ждёт не свет, не встреча, не покой. Его ждёт пустота».

— Страшные слова, — тихо сказал отец Николай.

— Тем более страшные, что их произнёс не монах, не проповедник. Их произнёс генерал Советской армии. Человек, который всю жизнь был частью системы, где материя ценилась выше всего.

— И он изменился после этого? — спросил Денис.

— Он стал писать. И больше ничего. Остался в армии, дослужил, но все свободные часы посвящал записям. Его не публиковали — кому нужен генерал, который говорит о душе? Его записи ходили в самиздате, передавались из рук в руки.

— И дошли до вас, — сказал я.

— До меня. И теперь — до вас.

Что такое душа: структура, а не образ

Алексей отложил папку на секунду, снял очки, потёр переносицу.

— В этих записях, — сказал он, — есть очень важное определение души. Не поэтическое, не религиозное. Структурное.

— Какое? — спросила Марина.

— Ливенцов пишет: «Душа — это носитель информации и личности. Она включает память, накапливающую опыт; способность к развитию; связь с физическим телом; и продолжение существования после смерти».

— Продолжение существования — это и есть жизнь после смерти? — уточнил Денис.

— Да. По Ливенцову, душа не умирает вместе с телом. Она отделяется и переходит в другое состояние. Но это состояние — не рай и не ад в традиционном смысле. Это два разных направления.

— Какие? — спросил я.

— Орбита душ и Обитель душ.

Алексей снова надел очки и взял папку.

Орбита душ: пространство переосмысления

— «Орбита душ, — прочитал он, — это пространство, куда попадают те, чья жизнь была связана с разрушением, эгоизмом и отсутствием внутренней ответственности. Это не место наказания в привычном смысле. Там нет палачей, нет котлов с кипящей смолой, нет мучителей. Есть только — душа и её собственная жизнь.

В Орбите душа вновь и вновь переживает свой опыт. Не один раз — многократно. С каждым кругом всё глубже, всё больнее. Она видит последствия своих действий. Видит тех, кому причинила боль. Видит — и не может отвернуться.

Некоторые души выдерживают это переосмысление. Они очищаются, понимают, рассказываются — и тогда покидают Орбиту. Другие — нет. Они замыкаются в своей обиде, в своей гордыне, в своём "я прав". И тогда происходит самое страшное: структура души начинает разрушаться.

Не как наказание. Как естественный процесс. Душа, которая не хочет меняться, которая выбрала зло как способ существования, — теряет связность. Информация распадается. Личность исчезает.

Остаётся только то, что можно назвать "тенью". Она существует, но не живёт. Она есть, но её — нет».

Алексей замолчал.

— Это он пишет про аннигиляцию души? — спросил я. — То, о чём мы говорили в третий вечер?

— Да. Он не использует слово «аннигиляция», но смысл тот же.

Отец Николай покачал головой.

— Церковь не учит об уничтожении души. Ад — это вечное пребывание вдали от Бога, но не исчезновение.

— Ливенцов не был христианином, — напомнил Алексей. — Он описывал то, что видел. Или что ему было показано. А показано ему было, что некоторые души — исчезают. Не потому, что их кто-то уничтожает. Потому что они сами себя разрушили. Грехом. Злом. Отказом от любви.

— Страшно, — сказала Марина. — Страшнее, чем ад. Ад — это хотя бы вечность. А тут — вечности нет. Только растворение.

— Поэтому Ливенцов и говорил о жадности как о главном пороке, — добавил Алексей. — Не потому, что деньги — зло. А потому, что погоня за ними отключает душу. Делает её нечувствительной к любви. А нечувствительная душа — это мёртвая душа. Гоголь был прав.

Обитель душ: пространство очищения

— А второе направление? — спросил Денис. — Обитель душ. Что это?

Алексей перевернул несколько страниц.

— «Обитель душ, — прочитал он, — это состояние, куда попадают души, прошедшие жизнь с сохранением человеческих качеств: сострадания, честности, внутренней устойчивости, способности любить и жертвовать.

Здесь нет страдания в привычном смысле. Душа постепенно освобождается от земных привязанностей, страхов и эмоциональных следов, которые накопились в течение жизни. Это похоже на то, как снимают старую кожу — не больно, даже приятно. Потому что под старой кожей — новая, свежая, готовая к новой жизни.

Обитель — это не конечный пункт. Это станция, остановка, санаторий. Душа отдыхает, очищается, набирается сил. А потом — идёт дальше. Куда — Ливенцов не пишет. То ли ему не сказали, то ли он не смог запомнить. Но факт: движение продолжается. Смерть — не конец. И не награда. Это — дверь».

— В следующую жизнь? — спросил я.

— Возможно. Или в следующую форму существования. Ливенцов не утверждал однозначно, что реинкарнация есть. Но он и не отрицал.

— Какая разница между Обителью и христианским раем? — спросил Денис у отца Николая.

Священник задумался.

— В раю душа пребывает в присутствии Бога. В Ливенцовской Обители — скорее в присутствии покоя. Но, возможно, это просто разное описание одного и того же.

— Или разное описание разных вещей, — добавила Марина.

— Или так, — согласился отец Николай.

Девять цивилизаций: предупреждение из глубины времени

Алексей снова зашуршал страницами.

— В записях Ливенцова есть один фрагмент, который особенно трудно принять рационально. Он касается истории Земли.

— Что именно? — спросил Денис.

— «Сколько было цивилизаций на планете Земля? — прочитал Алексей. — Это количество, Евгений, удивит тебя. Эта цивилизация на Земле — девятая. И между некоторыми цивилизациями приходилось давать время до шестнадцати тысяч лет. Этот разрыв требовался для того, чтобы можно было восстановить планету. Чтобы условия на ней стали пригодны для существования человеческой жизни».

— Девять цивилизаций? — переспросила Марина. — Мы — девятые?

— Да.

— И что случилось с предыдущими восемью?

— Они погибли. Не от метеоритов, не от климата, не от болезней. От собственной жадности. От того, что поставили материю выше духа.

— Уничтожили себя, — сказал отец Николай.

— Да. Каждый раз — одни и те же ошибки. И каждый раз — Высший Разум не вмешивался. Он только фиксировал и ждал. Пока планета восстановится, и новая цивилизация начнёт сначала.

— И мы — девятая? — спросил Денис. — Девятая попытка?

— Девятая. И не факт, что последняя.

Алексей посмотрел на нас поверх очков.

— Ливенцов пишет, что ему было сказано: «Если человечество продолжит в том же духе, разрыв будет неизбежен. Не мы его устроим — вы сами. Вопрос лишь во времени».

— И что делать? — спросил я.

— Он отвечает. И очень конкретно.

Что делать: три простых правила

Алексей перевернул страницу и прочитал:

— «Все это я сообщаю с той лишь целью, чтобы человечество осознало: если оно прекратит погоню за материальными богатствами и сделает труд необходимой частью своей жизни, а не способом накопления, — это не только продлит и улучшит вашу земную жизнь, но и создаст лучшие условия для жизни в духовном мире».

— Труд? — переспросил Денис. — Какой труд?

— Любой. Творческий, физический, умственный. Труд, который делает мир лучше. Труд как служение, а не как способ заработать.

— Коммунизм какой-то, — усмехнулся Денис.

— Коммунизм — это принуждение. А здесь — свобода. Выбор. Ты можешь работать на совесть, а можешь — на карман. Но если выбираешь карман — ты приближаешь конец. Не планеты — своей души.

— Сурово, — сказал я.

— Сурово. Но честно.

Марина молчала. Потом спросила:

— А что он говорит о Высшем Разуме? Он его боялся?

Алексей нашёл нужную страницу.

— «Я не боялся, — прочитал он. — Потому что там, в том пространстве, страха нет. Страх — это животная реакция. А там — не животные. Там — чистое сознание. Оно не наказывает, не угрожает. Оно просто — есть. И оно показывает тебе правду. А правда, она не страшная. Она — просто правда.

Страшно потом. Когда возвращаешься в тело и понимаешь, как мало времени. И как много ошибок можно ещё исправить. А можно — не исправить.

Вот это страшно».

— Он исправил? — спросил я.

— Он начал писать. И не остановился до самой смерти.

— И умер спокойно?

— Говорят, да. Сказал медсестре: «Меня встретят». И закрыл глаза.

Спор у камина: верить или нет?

Денис, который слушал с нарастающим напряжением, вдруг встал.

— Вы верите в это? — спросил он, обращаясь ко всем сразу. — В девять цивилизаций, в Орбиту душ, в Высший Разум, который диктует генералу, что писать?

— Я верю, — сказал отец Николай спокойно, — что этот человек прошёл через нечто, что изменило его. И что он честно записал то, что пережил.

— Но это не доказательство! — воскликнул Денис.

— А я и не говорю, что это доказательство, — не повысил голоса священник. — Я говорю, что это свидетельство. А свидетельства — это часть человеческого опыта. Наука их не принимает — и правильно, потому что они невоспроизводимы. Но философия и религия без них не могут.

— Я учёный, — напомнил Алексей. — И я признаю, что свидетельство Ливенцова — не научный факт. Но я также признаю, что я не могу объяснить, откуда у советского генерала,

не читавшего эзотерической литературы, взялись эти идеи. Он не мог их выдумать. У него не было источников.

— Откуда вы знаете? — спросил Денис.

— Потому что я изучил его библиотеку. Сотни книг — по инженерии, физике, военному делу. Ни одной по эзотерике, ни одной по религии. Эти записи — абсолютно автохтонные.

— Или он просто сошёл с ума, — предположил Денис.

— Возможно, — неожиданно легко согласился Алексей. — Но если он сошёл с ума, его безумие было очень продуктивным и очень связным. А это редкость для безумия.

— Обычно безумие хаотично, — добавила Марина. — А эти записи — системны. У них есть внутренняя логика.

— Значит, либо откровение, либо гениальная мистификация, — подвёл итог Денис.

— Либо видение умирающего мозга, — сказала Марина. — Гипоксия, галлюцинации, инсульт.

— Либо, — улыбнулся Алексей, — всё вместе.

Мы замолчали. Огонь трещал.

Последний вопрос: что важнее — вера или знание?

Поздно вечером, когда Денис уже ушёл, а Марина заснула в кресле (впервые за все вечера), мы с Алексеем и отцом Николаем сидели у почти погасшего камина.

— Батюшка, — спросил я, — вы верите в то, что писал Ливенцов?

Отец Николай долго не отвечал. Потом сказал:

— Я верю, что Бог может говорить с человеком любым языком. Даже через инсульт. Даже через кому. Даже через генерала, который никогда в церковь не ходил.

— А вы, Алексей?

— Я верю в данные. И данные говорят: Ливенцов был честен. Его записи совпадают с тем, что рассказывают люди из других культур, других эпох, других традиций. Это не доказывает истинности. Но это говорит о том, что опыт клинической смерти — универсален.

— Универсален? — переспросил я.

— Люди видят одно и то же. Тоннель. Свет. Пересмотр жизни. Встречу с существами. Разные имена — одни и те же феномены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.